

Лана Муар

Новогодняя аллергия

Лана Муар

Новогодняя аллергия

«Издательские решения»

Муар Л.

Новогодняя аллергия / Л. Муар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509459-9

— Только одним глазком... Взгляд цепляется за жёлтый стикер и размашистый почерк, которым написано: «Проверить!». В голове проносится школа, где я работала, и контрольные работы.— Ну проверю... — важно произношу я. Первые строки даются с трудом, но потом начинаю понимать, как их искать в талмуде, и дело пошло быстрее.— И что получается? — звучит вопрос.— Я ещё не сверялась... — не глядя отвечаю я и дописываю ряд цифр, чтобы посмотреть на... Прислонившись к косяку стоит тот, о ком все говорят шепотом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-509459-9

© Муар Л.

© Издательские решения

Содержание

Новогодняя Аллергия	6
Катарина	6
Дэн	10
Катарина	15
Дэн	20
Катарина	26
Дэн	31
Катарина	36
Дэн	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Новогодняя аллергия

Лана Муар

© Лана Муар, 2019

ISBN 978-5-0050-9459-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новогодняя Аллергия

*Любовь – это когда кто-то может вернуть человеку самого себя.
Рэй Брэдбери*

Катарина

Каждый раз за неделю до Нового года у меня начиналась хандра. Я никогда не любила эту праздничную суету, от которой все поголовно сходили с ума. От одного только вида елок, мишуры, шариков и мерцающих всеми цветами радуги гирлянд, меня начинало поколачивать так, что желание сбежать на край земли возникало самым первым по утрам, усиливалось в течении дня и становилось таким сильным, что к тридцать первому числу я уже всерьез начинала искать билеты туда, где не празднуют очередную смену цифр в календаре. И у меня были на это свои причины. Первая – люди. Их становилось слишком много. Абсолютно везде: на улице, в магазинах, в метро... Все они весело улыбались, считая необходимым протиснуться почти вплотную, едва не наступая на ноги, обернуться и произнести: «Извините! С наступающим!!!» И нестись дальше со своими пакетами и свертками. Как будто мне было дело до их извинений. В любой другой день я старалась выбрать такое время, когда в супермаркете будет как можно меньше посетителей, но перед праздниками это превращалось в невозможный квест... Кажется, даже если бы я заявила туда глухой ночью, то обязательно найдется несколько десятков, а то и сотен человек, кто будет там шарахаться между рядами с полными тележками продуктов. Вторая – мандарины. И как бы странно это не звучало, но я любила их до безумия и ненавидела ничуть не меньше. От запаха мандаринов у меня начинало сосать под ложечкой. И пока одна рука тянулась к связкам этих вкусных оранжевых засранцев, вторая уже начинала искать в недрах сумки упаковку с «Супрастином». Такая вот несправедливость – аллергия на то, что очень хочется. Больше всего на свете. А в канун Нового года устоять становилось практически невозможно. Пара съеденных долек и пальцы через полчаса начинают напоминать сардельки, если тут же не проглотить пригоршню таблеток... То еще счастье. Ну и третье – тридцать первого декабря меня бросил парень. Пусть уже прошло четыре года, и все это было еще в институте, но каждый год в счастливых лицах прохожих я видела улыбку того единственного и слышала: «Луковая, короче... я тут подумал... в общем, не звони мне больше. Ок? Не кисни только. Давай, с Наступающим тебя.» Дело было даже не в том, что меня бросили, а в том, что мою фамилию подло исковеркали, делая ударение на первый слог. Добывая окончательно и с особым садизмом.

Я стояла рядом с ёлкой, к которой Лешка, как оказалось, попросил прийти пораньше вовсе не для того, чтобы побыть вдвоем подольше, хватала морозный воздух и никак не могла понять за что. Что я сделала не так? Ведь все же было хорошо... Мир тогда для меня сжался в точку и стал превращаться в расплывающееся, веселящееся, цветистое пятно – я просто боялась разреветься в голос, вытирала рукавицами слезы, проваливаясь в скулящую пустоту. Лишь когда рядом появились Анютка с Мироном, и мы вместо запланированного кино поехали к ним домой, меня прорвало. Я не слышала, что она меня спрашивала, позволила стянуть с себя пуховик, шапку и ботинки, уткнулась в плечо и завывала:

– Нюта-а-а... он меня Луковой назвал... – повторяла я, закапываясь в ее объятия все глубже, – Нюта-а-а... и ещё сказал не звонить...

Произнести вслух то, что меня бросили, я так и не смогла, но Анечка все поняла сама. Мы с ней дружили с первого класса, всю школу просидели за одной партой и даже поступать пошли в один университет. Только я на матфак, а она на бухучет.

Мироша был тут же изгнан в комнату, меня усадили за стол на крохотной кухоньке, где мы вдвоем проревели до глубокой ночи, все сильнее убеждаясь, что верить мужикам нельзя. Никому из них нельзя. И всем им нужно отрезать яйца по самые уши. Только Мироша не попал в этот расстрельный список. Но он был единственным, кому не грозила принудительная кастрация, по одной простой причине – с девятого класса представить Анютку без Мирона и Мирона без Анюты было невозможно. А ещё они ни разу не поругались, женились сразу после первого курса и перед самым дипломом родили Олечку. Такая вот настоящая любовь, глядя на которую мне тоже хотелось своего кусочка счастья, хотя бы приблизительно похожего на их идиллию. Но счастье исковеркало фамилию и попросило не звонить... А я хотела, порывалась набрать номер, каждая цифра которого горела огнем в голове, психовала на Нюту, отобравшую телефон, снова захлебывалась слезами и отказывалась верить в такую простую истину – меня бросили. Бросили, как надоевшую куклу.

Мироша с Анютой тогда меня спасли. Каждую минуту кто-то всегда был рядом со мной. Нюта договорилась в деканате, чтобы мне разрешили сдать преддипломную сессию позже, выходила со мной на все экзамены, и я ее сдала. С грехом пополам, конечно, но сдала. Мироша помог с дипломом. До сих пор помню, как он укачивал Олечку и проверял мои расчеты, возвращаясь с работы. Я тогда даже предложила Нютке его клонировать. Откуда он брал силы и терпение, ведь я практически поселилась в их съемной квартирке. Даже на работу в школу меня пристроил. Правда я оттуда сбежала через полгода и без раздумий поехала следом за ними. Нюте с красным дипломом были рады практически в любой фирме, и она сперва пристроила меня, а потом и Мирошку. Я была счастлива уехать куда угодно, работать кем скажут, лишь бы вокруг ничего не напоминало про Лешку. И мы снова жили в одной квартире, тоже съемной. Но ее оплачивала фирма. По нашим впечатлениям это было настолько роскошно, что Нюта с Мирошей стали задумываться о пополнении и начали откладывать деньги на свою отдельную квартиру. Ну и я, поддавшись этой волне, львиную часть зарплаты переводила в копилку. То, что я загостилась и уже давно исчерпала лимит гостеприимства, никто не говорил – Нюта никогда бы такое не сказала, а Мироша свои мысли по этому поводу держал при себе. Но мне самой уже хотелось свой личный уголок, где не нужно ни под кого подстраиваться.

Мирошка долго смеялся, когда выяснилось, что и в ипотеку мы влезли практически в одно время и в одну стоимость. Ребята купили трешку в неплохом районе, а я умудрилась ухватить однушку в новостройке в двадцати минутах ходьбы от центрального офиса. После работы я частенько забегала к Нюте и мы делились новостями. У нее всегда было что-то интересное и новенькое, а у меня... Работа на складе, крохотная каморка и практически постоянное отсутствие людей, что не могло не радовать. Мне никто не мешал, не лез с разговорами по душам, представляя большую часть времени самой себе. Лишь пару раз в неделю в каморку забегал Ярослав Петрович, забирал отчеты, торопливо выпивал кружку кофе и уносился в головной офис. Вот и все развлечения. Отгрузить подготовленные заказы, проверить накладные, поставить пломбы или принять пару фур. И из новостей – новый погрузчик или пара сломанных поддонов. А у Нюты – центр Вселенной. Кто-то пришел, кто-то ушел, кого-то уволили по-хорошему, а кого-то со скандалом – такое тоже случалось. Зверь казнил без зазрений совести за малейшие провинности. И если на складе Кугурова никогда не видели, то в головном появлении Даниила Владимировича всегда вызывало молниеносное затишье – никто никогда не знал, чем оно обернется. Нюта первое время вечером лопала успокоительное и шепотом произносила: «Кугуров сегодня подошёл, забрал отчет за квартал, а у меня зубы стучат от страха!». Или: «Зама по планированию сегодня того...». Не было никого, кто перед тем как зайти в кабинет Даниила Владимировича не интересовался о настроении шефа у Эльвиры. Но даже для секретаря, проработавшему с Кугуровым несколько лет, это была тайна за семью печатями. И вызванный собирался с духом, мысленно крестился, робко стучал в дверь, словно там находится филиал ада, где его ждёт сам Сатана в человеческом облики.

И наслушавшись этих рассказов, я радовалась, что Кугурову нет дел до склада. Он не появлялся там, где все было хорошо, а ежемесячные платежи по ипотеке только прибавляли стремления делать все так, чтобы через открытые ворота разгрузочной зоны никогда не проехал черный Бентли с личным водителем.

Я не хотела обманывать Нютку и придумывала наиболее правдоподобную историю, почему сегодня к ним не приеду. Скинув в рюкзачок, приготовленные заранее вещи: маленький бокс с салатом, наушники, вечно запутывающиеся в комок, крохотный фонарик и новую книгу, за которой гонялась больше трёх месяцев, я присела на край кровати и аккуратно провела кончиком пальца по носу спящей между подушками таксы. Собакен только чихнул и пару раз дёрнул лапой.

– Бублик... Бублик... – позвала я, а в ответ снова тишина и умиротворённое сопение.

Хитрое создание всего за полгода умудрилось быстро расставить приоритеты. Сперва еда, потом сон, потом снова еда, а уже дальше, если не захочется спать, то можно уделить каплю своего драгоценного времени хозяйке, которая всего-то притащила бывшую тощую сосиску с улицы к себе домой. Отмыла, откормила, вывела всех паразитов и даже назвала Бубликом. После чего Бублик стал спать исключительно на кровати, полностью игнорируя купленную подстилку и коврики, разрешая обнимать себя, когда Хозяйке становилось тоскливо и страшно. Плюс такс рычал на всех соседей и всевозможную живность, порой превышающего его в размерах в несколько раз. Мироше позволял брать себя на руки, Нюта могла его даже погладить без опасения ощутить острые зубы и только к Олечке Бублик летел сломя голову, размахивая хвостом из стороны в сторону, под счастливое: «Бубля-а-а-а плиехал!!!». Девочке позволялось абсолютно все, что другим могло только сниться. Весь остальной мир у таксы вызывал недовольное и подчас угрожающе-злое тьяканье. Ещё бы. Я его понимала, как никто другой. Крохотулю тоже бросили, но только он выражал свое отношение скаля зубы, а я пряталась от всех в квартире среди выдуманных миров книг и фильмов.

Сколько бы я не оттягивала этот момент, не гипнотизировала часы, стоящие на тумбочке, с каждой минутой эта нерешительность подкидывала все более глупые и несуразные отговорки, в которые Нюта не то чтобы не поверит, она их просто не станет слушать. Ещё и Бублик открыл глаза и повернул свою мордочку так, словно спрашивал с упреком: «И долго ты ещё тянуть собираешься?».

– Все. Звоню. – ответила я, набирая номер Анюты. Длинные гудки вызова, Бублик выполз из подушек, плюхнулся рядом и кладет голову на ногу. Чувствует, как мне страшно.

– Мироша уже к тебе едет. – слышу вместо приветствия довольный голос Нюты. Правда доносится он издали и отчётливо слышен только стук ножа.

– Ты на громкой что ли?

– Да. Решила в последний момент фрукты в салат перекрошить. Олька опять все закусает, а так хоть что-то поест.

– Нюта... тут такое дело... – начинаю я и замираю от тишины.

– Когда ты так начинаешь говорить, ничего хорошего это не предвещает. – в голосе у Ани моментально появляются тревожные нотки. Я слышу, как она опускается на табуретку. Несколько мгновений мы молчим, лишь на фоне слышно работающий телевизор. – Что случилось, Катя?

– Я... я... я сегодня к вам не приеду. – произношу и зажимаюсь.

– Почему?

– Я сегодня дежурю в офисе. Меня попросили, и я согласилась. – безбожно вру, чтобы не придумывать новые объяснения и окончательно не завратиться.

– Ярик должен был. Я сама видела приказ. И он сам ходил зубами скрипел... Кому ты врёшь? – мимо Пинкертона на том конце трубки ничего не проходит незамеченным.

– Вот он и попросил. Позвонил сегодня, сказал, что хотел с друзьями отмечать, а теперь все планы идут по... по пизде... – обычно я не ругаюсь матом, и мне кажется, что повторить слова своего начальника, хорошая идея. Он действительно так говорил, когда я предложила отдежурить за него. Правда сказал немного по-другому: «Луковая, я твой должник! Мы домик уже сняли, закупились, а тут с этим дежурством такой пиздец!».

– Значит его друзья для тебя важнее нас? – спрашивает Нюта.

– Нет. Я к вам завтра сразу же приеду. С самого утра. И видимся мы гораздо чаще, чем он со своими. Блин, Нюта, у меня ипотека, лишних денег нет, а Ярослав предложил заплатить вдвойне. Мне же не сложно.

– А у нас спросить уже нельзя? – злится Аня, – Думаешь мы бы тебе не помогли?

– Вы и так мне постоянно помогаете. Самим как будто платить не надо.

– Нас двое работает, а ты одна!

– Вот поэтому и согласилась. – отрезала я.

И мы снова молчим.

– А Оля? Она вас с Бубликом с самого утра ждёт. – тихо произносит Нюта.

Она понимает, что все решено, и я точно не приеду. Этот вопрос ничего не изменит. Простая констатация факта, но мне становится стыдно, что про маленькую девочку я совсем не подумала.

– Ань, может тогда Мирон Бублика заберёт? Он ведь все равно уже едет. Оля с ним поиграет и ему не будет страшно. Я бы и подарок ей сразу передала...

– Давай, хотя бы подарок ты сама подаришь? – спрашивает Аня, я угаваю в ответ. – Хочешь, я Мирона попрошу, и он тебя завтра заберёт?

– Думаешь, что я не приду? Не дождешься. – улыбаюсь. Вот только не знаю от чего больше. То ли от того, что Анька никогда не перестает обо мне заботиться, то ли от того, что маленькая ложь удалась. – Я приеду на такси.

– Кажется, кто-то недавно жаловался на отсутствие денег...

– Кажется, кто-то недавно говорил, что поможет... – парирую я и Анька долго смеётся.

– Катарина... – неожиданно серьезно начинает она, – Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю? Может уже пора заканчивать, а?

– Мне никто не нужен, Нюта. И у меня уже есть Бублик.

– И вибратор в тумбочке... – Аня вздыхает, но уговаривать меня не собирается.

Она уже не один раз поднимала эту тему, но результат всегда был один и тот же. Пускать кого-то в свой мирок я не собиралась. Для разговоров у меня были Нюта с Мирошей, спала я в обнимку с Бублей, а для экстренных случаев... в верхнем ящике тумбочки лежит мистер Пинкман, который никогда не свалит в неизвестном направлении. Главное, вовремя менять батарейки.

Нютка ещё трижды переспросила действительно ли я приеду сама, я дважды сказала: «Да.», а на третий раз даже поклялась. Мне просто не хотелось участвовать в празднике. Отсижусь в офисе, а потом приеду. Словно и не было этого Нового года.

Дэн

Кума ржал. Как лошадь. Как обдолбанная лошадь. Поднимал на меня свои глаза, выдыхал: «Сука-а-а...» и снова начинал ржать. Не будь он моим другом... уже давно хрипел бы, выплевывая зубы на ковер... Не будь я идиотом и не согласись на этот дебильный спор... который казался шутейным, но я умудрился его проиграть. И теперь приходится расплачиваться и скрипеть зубами. Своими. Конченный debil. И я, и Кума со своим желанием.

– Успокоился? – рычу я.

– Изыди! Дэн, дай я тебя сфоткаю!

Кума достает свой телефон, яркая вспышка и в метре от моего лица появляется экран, на котором стоит гипертрофированная Снегурочка под два метра ростом.

– Удали.

– Нет. – Кума снова начинает давиться. – Ты красотка, Дэн. Или правильнее говорить Дэнни?

– Тогда я сам.

Руки уже давно просят что-нибудь сломать и эта фотография замечательный повод, но Кума буквально на сотую долю секунды быстрее. Там, где только что был его телефон, возникает сложенный несколько раз клочок бумаги.

– Смотри, Дэн. Интересно, а что это у меня такое? – растягивая слова говорит Кума, – А давай вместе прочитаем?

Он разворачивает лист, демонстративно кашляет.

– Я, Кугуров Даниил Владимирович, обещаю в случае проигрыша в споре с Кумачовым Максимом Сергеевичем выполнять все его желания, не нарушающие законы РФ, в течение двадцати четырех часов с момента предъявления требований о возврате долга. – Кума разворачивает лист текстом ко мне и спрашивает, – Твоя подпись?

– Моя... – сквозь зубы цежу в ответ.

– Тогда я не понимаю, что это за телодвижения, Дэн? – он плюхается обратно на диван, распахивает полы шубы пошире и сдвигает накладную бороду под подбородок, – Сука... Сварюсь раньше. Но оно того стоит.

– Нормальных желаний у тебя нет...

– Дэн, я ждал этого момента восемь месяцев. И поверь, такое шоу я буду помнить всю жизнь, а вот что-нибудь «нормальное» могу и забыть. – он вскидывает руку, смотрит на часы, достает из кармана крохотный цилиндр и протягивает мне. – Осталось всего двенадцать часов.

– Что это?

– Губная помада.

– Кума... Ты охренел?

– Крась! И надейся, что это самое худшее из того, что я для тебя сегодня придумал!

– В шесть утра, Кума, я тебе все припомню.

– Пох. К шести утра я буду в таком состоянии, что мне уже будет фиолетово. – Кума хищно улыбается. – За твой счёт. Крась! Или твое слово – пустой звук?

Мои пальцы сжимают помаду, а в голове рисуется шея Кумы. Пару раз провернув крышечку я сорвал ее так, как оторвал бы ему башку.

– Крась... – Кума подгоняет и снова начинает ржать, когда я провожу помадой сперва по одной губе, а потом и по второй.

– Что дальше? – спрашиваю едва слышно тем самым тоном, от которого белеют все, кому доводилось его услышать.

Но только не Кума. На его лице не дрогнул ни один мускул, лишь улыбка стала шире и перед моим носом возникает визитка.

– Заказывай лимузин, Дэн. Мы едем кататься.

Я ненавижу лимузины. Особенно те фирмы, которые тридцать первого декабря поднимают трубку после третьего гудка.

– Диктуйте адрес. – мило щебечет девушка, невзирая на мой рык. – Через полчаса розовый лимузин будет ждать вас у подъезда.

– Что? – почти задыхаюсь я.

– Розовый лимузин. Через полчаса. С Новым годом. – воркует голос.

И когда я снова могу произнести хоть слово, в трубке уже слышны короткие гудки.

– Кума... клянусь, ты пожалеешь... – зло произношу я, отправляя телефон в стену.

Точно так же, как и в апреле. Только тогда я даже не представлял во что вляпаюсь, соглашаясь на такой детский спор.

Мы сидели в одном из баров. Я, Кума, пара общих знакомых, которых там встретили. Обмывали новую тачку Кумы. Текила, вискарь, коньяк... Что мы только там не намешали, а потом этот подарок от заведения – бутылка абсента. С тех денег, что мы там оставили вечером, можно было расщедриться на что-нибудь и посолиднее, но в тот момент эта халявная бутылка была встречена на ура.

– Мужики, спорим я уделаю любого? – громко произнес Кума, привлекая внимание всех, кто был за столиком и рядом с ним.

– В чем прикол? – спросил кто-то из-за спины, а Кума подозвал официантку.

– Пять стаканов, пять стопок, лист бумаги, ручку и бармена. – произнес он, ускоряя девушку стодолларовой купюрой. – Ну? Есть тут настоящие мужики?

У столика моментально стало тесно. Ещё бы. Кинуть на деньги подвыпившего – а мы уже были под очень хорошим градусом – казалось проще, чем обоссать два пальца.

– Ну так в чем прикол? – повторили вопрос.

– Прикол в том, что есть ли тут хоть один настоящий мужик, готовый поспорить со мной на один день своей жизни! – Кума перебросил бутылку из руки в руку и обвел пьяным взглядом столпившихся, – Кто не ссыт? Кто?

Кума горлышком бутылки показал на первого попавшегося.

– Ты? А может быть, ты? – горлышко перескакивало с одного на другого, но соглашаться никто не торопился. – Ссыкуны мамкины.

Кума нарывался, видимо решив закончить вечер мордобоем. И черт меня дернул кивнуть, когда бутылка указала на меня.

– Дэ-э-э-эн. Я только что стал уважать тебя еще больше! – Макс расплылся в довольной улыбке и поставил бутылку в центр стола. – Спорим, что выпью пять по пятьдесят быстрее тебя?

Я снова кивнул. Кума держал меньше меня, и стопки три друг за другом, возможно, бы и выпил, а вот дальше не факт.

– Слушаю вас. – произнес бармен, протиснувшись с подносом через толпу.

– Дэн, последний шанс отказаться. – ухмыльнулся Кума.

– Ты знаешь, что я не откажусь. Или сам решил слиться, увидев настоящего мужика? – спросил я под нарастающий гул и рывкнул, – Все на шаг назад от стола!

В баре моментально повисла тишина, а вокруг стола возникла полоса отчуждения.

– Бумагу. – Кума взял лист, разорвал его пополам и протянул мне одну часть. – Пиши, Дэн. Я, такой-то такой-то, обязуюсь в случае проигрыша выполнять все желания, мои ФИО, в течении двадцати четырех часов.

– Без уголовки, Кума. – уточнил я.
– Впиши там куда-нибудь... И в конце, как обычно. Дата, подпись.
– Проверь. – киваю я, пододвигая лист на середину стола.
– Все чин чинарем. – Кума быстро переписывает текст на свою бумажку, поменяв местами наши имена и фамилии, подталкивает расписку ко мне. – Норм?
– Все как у нотариуса. – киваю я, пробежав по строчкам глазами.
– Бармен! – Кума откидывается на спинку стула и заложив руки за голову потягивается, – Возьми эти бумажки и сохрани до конца, а нам накапай пять по пятьдесят каждому. Ровно по пятьдесят.

Ловким движением руки бутылка поменялась местами с подносом, на котором стояли стаканы и стопки, пробка отлетела в сторону, и под чутким контролем толпы абсент был разлит ровно по пятьдесят.

– Даю тебе право выбрать из чего ты будешь пить, Дэн. – Кума довольно щурится, как мартовский кот. – Стаканы? Стопки?

– Без разницы. Выбирай сам.
– Не-е-е... Чтобы потом ты сказал, что я выиграл потому что выбирал не ты? Будь мужчиной. Прими решение.

Пару минут я пытался понять, в чем подвох. Кума молча наблюдал за мной сквозь прикрытые глаза.

– Бери стопки! Из стаканов дольше получится. – произнес кто-то.
Кума даже не отреагировал, лишь неопределенно пожал плечами.
– Пусть будут стопки. – говорю я.
– Ок. Одно условие. Ты не трогаешь мою посуду, я не трогаю твою. Согласен?
– Согласен.
– Бармен! Будешь судьей, чтобы все по-честному. Обратный отсчет с пяти. – Кума расставил свои стаканы в линию, и я повторяю это со стопками.
– Пять, четыре, три, два, один... Пошли!

Кажется, тогда зал взывал. Сложно было сказать, как разделились болельщики. Я успел выпить две стопки пока Кума неторопливо выцедил первый стакан. Содержимое третьей стопки уже катилось вниз по горлу, когда Кума хитро улыбнувшись накрыл своим первым пустым стаканом последнюю полную стопку. Заметил я это только выпив четвертую, удивляясь недовольному галдежу, в котором мата было больше, чем остальных слов.

– Бармен... – Кума показывает на свой перевернутый стакан, к которому тянутся мои пальцы...

– Стакан трогать нельзя! – громко говорит он. – Вы сами приняли эти условия!
– Но... – я ошалело смотрю то на стопку, попавшую в плен, то на Куму.

Он неторопливо цедит вторые пятьдесят, откровенно смакуя. Третьи... Мне ничего не остаётся делать, как наблюдать за этим процессом, осознавая свою тупость. Четвертые... Бар вымирает, в воздухе ощутимо пахнет опасностью. И ее центр находится в человеке, который сидит напротив Кумы, поднимающего свой последний стакан. Он поднимает его над головой и произносит тост так, что его слышит каждый:

– Я поднимаю бокал за единственного настоящего мужчину в этом баре! Даня, если когда-нибудь наступит момент, знай, что я готов за тебя сдохнуть. Пусть рядом с тобой будет такая же настоящая женщина. За тебя!

Кума громко опускает пустой стакан и смотрит мне прямо в глаза. Несколько мгновений мы сидим молча, буравя друг друга взглядами.

– Бармен... расписку... – произношу я. Беру в руки половину листа, на которой моим почерком написано несколько строк, и протягиваю Куме. – Это твое по праву... Брат.

Макс несколько раз складывает лист, убирает его во внутренний карман пиджака.

– Дэн... Если это сарказм...

– Нет. Все так, как я сказал. – я тяну ему ладонь, – Брат?

– Брат! – Кума стискивает мне руку и орет, – Бармен, бля! Хуйли стоишь? Всем Вискаря за мой счет!

А телефон... Телефон я расхреначил об стену, когда не смог внятно объяснить девушке Кумы, что мы с ним теперь братья, и расходиться еще не собираемся.

Кума снова нацепил свою бородищу, завязал пояс и с посохом наперевес, будто это копьё, прокрипел старческим голосом:

– Внученька, возьми мой мешок и потопали кататься на розовом пони.

Сукин сын даже не думал сбавлять обороты и решил использовать оставшееся время на полную катушку. Мало того, что позвонил в шесть утра и напомнил про расписку с довольным хохотом, так ещё припер гребаные костюмы и заставил меня вырядиться в Снегурочку-акселератку. Губная помада на этом фоне была просто мелочью. Стоило только увидеть свое отражение в зеркальных дверях лифта. Почти двухметровая детина в коротеньком полупрубке, едва прикрывающим задницу, юбка, белые лосины и красные сапоги сорок пятого размера. Блядь! Блядь! БЛЯДЬ!!! И в таком наряде он тащил меня на улицу.

– Кума, давай я куплю тебе любую тачку! Любую, какую только захочешь!

– Поговорим об этом через... – он смотрит на часы, – ...одиннадцать часов и двадцать пять минут.

– Кума...

– Нет таких причин, которые остановят Деда Мороза на пути Добра! – заголосил он. Дзинькает лифт, раскрываются двери, и посох упирается мне в спину, – Вперед, внученька! Счастье близко!

– Счастье настанет тогда, когда я тебе бороду в глотку сапогом втолкаю по самую печень!

– Все это через одиннадцать часов! Давай, брат, не ссы! Страшно только в первый раз.

Кума впихивает меня в лифт и жмет кнопку первого этажа, а я всерьез прикидываю свои показания, которые буду давать по поводу убийства этого самозванца. В особо извращенной форме. С расчлененкой, кучей ошметков и лужами кровищи. От мыслей куда я затолкаю ему посох, а потом и мешок, или сперва мешок, а затем уже утрамбовать его посохом, меня выдергивает дзиньканье лифта. Двери медленно расползаются в разные стороны, и я прекрасно понимаю, почему так шарахнулась девушка с таксой на руках.

– Проходи, красавица! – манит ее Кума, – Прокачу с ветерком!

Девушка отрицательно мотает головой, делает шаг назад, но Куму понесло.

– Да не волнуйся ты! Мы просто на костюмированную вечерину с брательником едем. – говорит он, останавливая закрывающиеся двери ногой в валенке, – Хочешь, я даже приглашенные покажу? Дэн, ой, Снегурыч, подтверди.

Я киваю, тяну его за рукав...

– Ты ее пугаешь, Снегур! – Кума высвобождается и выходит на площадку, – Ух ты какая сосисочка.

Клацают зубы, Кума одергивает руку.

– Ого. А разве таксы не охотничьи собаки? Чуть палец не оттяпала!

– Кума! Отвали от девушки! – рычу я. – Ты там добро хотел творить, а сам... Идиот... Не все твои приколы понимают... Даже я их сегодня не понимаю...

Пока все это проговариваю, я развязываю мешок, достаю оттуда пару мандаринов, первую попавшуюся коробочку и протягиваю девушке.

– Возьмите, пожалуйста, и простите этого кретина. – произношу как можно более успокаивающе, но девушка снова мотает головой, и сильнее прижимает к себе таксу. – Честное слово, мы не хотели вас напугать. Если бы знали, то пошли пешком. Да Кума?

Макс дергается и начинает кивать головой – шутка ли, когда такая туша, как я наступает каблуком на ногу в валенке.

– Давайте я это аккуратно положу вот сюда... – я медленно опускаю в оттопырившийся карман пуховика мандарины и коробочку, опасливо косясь на таксу.

Не то чтобы я ее боялся, просто мне было непонятно почему она перестала рычать и дергает самым кончиком хвоста.

– Вот и все. Извините еще раз. – произношу ей, убирая с ноги Кумы каблук и вталкивая его обратно в лифт. – Пусть исполнится любое ваше желание. Хорошо?

Она едва заметно кивает и медленно пятится.

– Не волнуйтесь, мы вас больше не потревожим... Мы уже уехали... Простите моего друга... – медленно говорю я, пока двери лифта не сомкнулись, и разворачиваюсь к Куме. – Ты охренел? Ты представляешь, что там она себе подумала? Ладно ты меня сегодня закошмарить решил, а ее-то за каким хером?

– Да ладно тебе, Дэн. Малость переиграл.

– Вот с этим ты переиграл! – обвожу рукой свой наряд, – А там ты вообще краев не увидел!

– Дэн...

– Еще одна такая выходка и я тебя лично урою! Понял, пердун доморощенный? Поехали уже на твоём розовом понишке кататься и бухать!

– Э-э-э... – Кума косится за мою спину.

– Здрасьте... – выдыхаю я обернувшись. И, натянув на лицо улыбку, добавляю – С наступающим...

Словно по заказу, перед раскрытыми дверями лифта стоит человек пятнадцать. И по их лицам было нетрудно догадаться, что последние предложения слышал не только Кума, а Снегурка-мутант явно станет главной темой для разговоров...

Катарина

Кажется, у меня появилась четвертая причина ненавидеть Новый год. Двери лифта уже давно закрылись и табло несколько раз отсчитало свои циферки до единицы, а потом снова вверх, замирая на тех этажах, где выходили люди... Но подойти и нажать кнопку вызова... Ни за что! Никакими угрозами меня не затащить внутрь. Я осторожно посмотрела вправо, туда, где на двери висел знак лестницы, и маленькими шажочками двинулась к ней, прижимая Бублика к груди и не выпуская двери лифта из поля зрения. Лишь когда я спустилась на три пролета мое сердце стало понемногу замедляться. О каких Бабайках и Кашеях могла идти речь, если на тебя вываливается Это? Да Бабайка просто ангел, которого забыли причесать, а Кашей так вообще сама милота...

– Бублик, ты живой? – спросила я завертевшуюся таксу.

И сломя голову понеслась вниз. Там у подъезда Мирошка, а здесь – неизвестно ещё кому взбредет появиться. Перескакивая через ступеньку, я спустилась в самый низ и приоткрыла двери в фойе. Убедившись, что там пусто, пулей пробежала по плиткам под мрамор, подгоняемая звуком своих же шагов, выскочила на улицу и понеслась к знакомому силуэту.

– Мироша! Господи, ты бы видел... ты мне не поверишь... – затараторила я.

Но Мирон кивнул, открыл заднюю дверь своей машины, пропуская меня в тепло.

– У вас вроде двор приличный, но таких долбоящеров... Я даже на телефон снял. Потом Аньке покажу – пусть поугарает! – Мироша тянет мне свой мобильник, на котором открыта папка с видео, – Самый верхний включи.

Я нажимаю на файл и понимаю, что долбоящеры, которых увидел Мирон, буквально пару минут назад пытались меня заманить в лифт. На видео было видно, как эта парочка загрузилась в розовый лимузин под хохот Мироши, а потом из люка на крыше автомобиля высунулась голова в красной шапке, посох, дальше показались плечи в красной шубе. Все это происходило так медленно, словно Дед Мороз едва протиснулся в отверстие люка, но когда фигура выбралась по пояс и постучала концом посоха по крыше к знакомому хохоту добавилось: «Э-ге-гей, залетные!!! Неси меня мой поник! Тпру... Бля... Но!!!». Лимузин плавно тронулся и покатил к выезду с парковки.

– Катаринк, у вас тут кто-то наркотой балуется что-ли? – спросил Мироша и я пожалала плечами.

– Они меня в лифт хотели затащить... – пропищала в ответ, возвращая телефон.

– Перепугалась? – Мирон видит, как я киваю, качает головой, – Скоты! Ты как хочешь, но я тебя до офиса сам отвезу. И завтра с утра заберу.

Спорить сейчас с ним глупо. Во-первых, Мироша все равно упрется, а во-вторых, меньше всего хочется вылезать из машины и толкаться в метро. Под защитой единственного мужчины, которому я доверяю, гораздо спокойнее. Вот только и туда, и обратно ему придется ехать по пробкам, и Нюта будет волноваться, что ее муж задерживается, о чем и говорю вслух.

– Катарин, Анька больше будет переживать, если я тебя одну отпущу. – произносит он, – Тем более после такого. Отвезу тебя и точка. Не думай даже.

Я снова киваю, пристегиваюсь ремнем безопасности и беру Бублика обратно на колени – собачен уже намеревается перелезть на переднее сиденье, где лежит пакет, старательно обнюхивая все вокруг. Мирошка смеется, достает из пакета небольшую упаковку с собачьими вкусняшками и передает мне.

– Уже учуял. Все только не скармливай. Олька просила купить, хочет заняться дрессировкой твоего злыдни.

– Спасибо, Мирош.

Я выуживаю из коробочки маленькую палочку, сую под нос Бублику и ласково глажу под довольное почавкивание.

К самому зданию, в котором находится головной офис, можно подъехать с четырех сторон, минуя шлагбаумы и охранников. И если бы у Мирона не было пропуска – он возил кого-то из начальников, – мне пришлось бы топтать до центрального входа пешком. А так я выбралась из машины почти у самой лестницы. Всего лишь пару раз пришлось показать свои пропуска. Один раз на въезде на территорию и второй перед главной парковкой. Иногда мне кажется, что тех, кто тут работает, охраняют получше самого президента.

– Завтра в девять я тебя заберу. – говорит Мироша через приоткрытое окно, и я снова киваю. Прямо китайский болванчик.

– Бублик! Не наглей! – строго произношу собакену, который уже перебрался на переднее сиденье и почти полностью залез в пакет, тщательно изучая содержимое.

– Беги, Катарин. Не мерзни.

Я машу ладошкой отъезжающей машине и быстро поднимаюсь по лестнице к высоким дверям. Очередная проверка пропуска, беглый осмотр содержимого рюкзака, и охранник возвращается в свой закуток больше похожий на аквариум. Лифт, двадцать третий этаж и полнейшая тишина. Через толстенные стекла не доносится ни одного звука с улицы, обычно яркий свет выключен и горят только дежурные светильники, добавляя ощущение какой-то сонливой медлительности, захватившей все вокруг. В рабочие дни тут совсем по-другому. И я впервые спокойно иду, не боясь столкнуться с каким-нибудь менеджером или посыльным – в любой из рабочих дней народа здесь больше, чем селедок в бочке. И все куда-то торопятся, снуют из отдела в отдел, что-то носят в папках или катят на тележке – Зверь выдрессировал всех. И все знали, что за каждую выплаченную им копейку, могут спросить в любой момент и выпнуть без малейшего намека на сожаление, если ты не оправдываешь занимаемую должность. Даже уборщицы наводили настолько идеальный порядок, что самая критичная проверка не нашла бы ни одной пылинки или бумажки, валяющейся в неположенной ей месте. Длинные ряды столов повторяли друг друга, как под копирку. Монитор, несколько органайзеров под документы, подставка под ручки – типичное место младших по рангу. Дальше, за стеклянной перегородкой, зона тех, кто повыше. И на их рабочих столах иногда мелькали рамочки с фотографиями, но чаще все тот же аскетизм, чтобы не привлекать лишнее внимание – Нюта говорила, что каждое утро Зверь проходит по этажу в свой кабинет и лично проверяет порядок на столах. Не знаю зачем ему это нужно, но нарушать заведенные правила никто не рисковал. Дальше снова стеклянная перегородка и кабинеты начальников отделов. Для них к комфорту добавлялись стены из матового стекла, поднимающегося на метр и плавно переходящего в полностью прозрачное. Жалюзи, которыми можно было отгородиться от окружающих, большую часть времени открыты и мебель. Удобная, статусная, но все равно мурашки бежали по коже – ни о каком уединении тут речи идти не могло. В моем закутке стены и двери были непрозрачные, а на стандартном столе было, как минимум, четыре вещи, идущие вразрез с правилами, царящими здесь. Фотография Бублика, кружка, несколько ярких текстовыделителей и, самое ужасное, подставка для книг. Все свободное время я нарушала все мыслимые и немыслимые правила и читала, порой задерживаясь на работе на несколько часов. И если бы не Бублик, то оставалась в своем крохотном закутке на всю ночь, окунувшись в мир любимых книг.

Весь этот центральный проход-коридор – Нюта называла его дорогой смертников- вел к небольшому возвышению, буквально одна ступенька. А там... Справа огромных размеров стол секретаря Эльвиры и мимо нее не сможет пройти никто. Он стоит у кабинета самого Зверя с массивной дверью и бронзовой ручкой. Левее зал для совещаний. Матовое непрозрачное стекло от пола до потолка, через которое едва можно разглядеть силуэты. Слева – небольшой кабинет личного помощника Кугурова и еще один, совсем неприметный. Нюта говорит, что

он всегда закрыт и никто никогда не видел, кто его занимает. Никаких табличек и надписей. Просто дверь.

Стол Нюты находился у самой перегородки перед кабинетами начальников отделов, и я его знала, как свои пять пальцев. Идеальный порядок на столе, маленькая рамочка с фотографиями Оли и непозволительная роскошь в виде беспорядка в нижнем ящике – две кружки, крохотные конфетки, пара фантиков, пакетики с растворимым кофе, три плитки шоколада и зарядка для телефона. В двух верхних – почти точная копия рабочего места. Калькуляторы, в толстой папке таблицы с необходимыми ценниками каждой позиции, которые рассчитывала Нюта, несколько ручек – все разложено чуть не по линейке. И ничего лишнего, не относящегося к работе.

Я поставила свой рюкзачок на стол, скинула пуховик на спинку Аниного кресла и улыбнулась. Двенадцать часов дежурства в полном одиночестве с книгой любимого писателя в обнимку – маленькое счастье для Катарины Луковой. И откладывать его я не собиралась. Только быстро сходила до небольшой комнатки-кухни, чтобы убрать в холодильник бокс с салатом и налить кипяток из кулера – за пропажу пакетика с кофе Нюта меня ругать не будет. Да и держала она их по большей части для меня. Три ломтика шоколада на блюдечке, прихваченном с кухни, кружка с кофе рядом, а я бережно достаю свое сокровище. Новый роман Потапова, еще тонко пахнущий типографией... Блаженно щурюсь, вдыхая этот непередаваемый запах. Ни одна электронная книга никогда не сравнится по ощущениям от настоящей. И пусть она стоит дороже, и купить их бывает подчас почти невыполнимой задачей – книги Потапова сметались с прилавков в первые дни продаж, – но для меня было особым наслаждением перелистывать настоящие страницы, чувствовать подушечками пальцев легкую шероховатость бумаги... О да... блаженство на грани фантастики, заключенное в обложку, за дизайн которой Потапов воевал с издательствами до последней капли крови последних. Каждая его книга всегда легко узнавалась на полке уже по корешку. На треть черная сверху и белоснежная снизу, словно одним этим сочетанием он констатировал, что светлого всегда будет больше. И в его книге, и в жизни в целом. Мне бы такую уверенность... Минут двадцать я крутила книгу, рассматривая ее со всех сторон, оттягивая чтение, но стоило только перевернуть первую страницу, как мир вокруг исчез. Я неумолимо погружалась в новую историю любви, чтобы вынырнуть на быстрый перекус, налить еще одну кружку кофе и посмотреть сообщение на телефоне. Мигающий конвертик уведомления так и остался бы незамеченным – звук я не услышала. Ведь в моей голове шумел прибоем океан и похрустывал под ногами Элеоноры песок.

Нютка прислала всего одну фотографию, глядя на которую я чуть не расплакалась. В детской кроватке, почти полностью заваленной мягкими игрушками, спала Олечка. В обнимку с Бублей. Оба выглядели такими счастливыми, что я захотела плюнуть на дежурство и поехать к ним. Посмотреть на эту милоту вживую. Так и написала Нюте, хотя и понимала, что в половине третьего она уже скорее всего спит. Сохранила фотографию к себе на телефон и поставила ее вместо обоев. Быстро сполоснула бокс, вытерла его бумажным полотенцем и убрала в рюкзачок, поставленный на пол. Уже разгибаясь чувствую запах, от которого начинают течь слюнки. Мандарины... Если посмотреть на меня со стороны, то можно подумать, что я наркоманка и у меня началась ломка. Я перелопатила все ящики в столе Нюты, вода носом, как Бублик, почувствовавший вкуснятинку.

– Ну где же ты, засранец? – шепчу я, принохиваясь раз за разом.

Воровато открываю ящики у соседних столов, но там нет даже намека на этот божественный запах.

– Да где же ты?

Я начинаю злиться, плюхаюсь на кресло и снова начинаю водить носом – запах словно издевается и усиливается так, что у меня уже начинает сосать под ложечкой. Черт! Я все равно его найду! Мандариновая наркоманка в моем лице вышла на охоту вода носом, стараясь понять

где аромат начинает слабеть, а где становится сильнее. И больше всего выбешивает осознание, что я нахожусь в самом эпицентре. Но все, что только можно, уже перепроверено... Кроме пуховика. Я практически скрещиваю пальцы на руках... снимаю его со спинки кресла и понимаю, что мандарин здесь, хотя точно знаю, что сама его не положила... в карман... он оттопырен...

– Снегур... – шепчу я, вспоминая, как он что-то опускает мне в карман, пока по всему моему телу бьёт паника.

Время тянется, превращается в тягучую субстанцию, которая заволакивает все вокруг, пока я опасливо опускаю пальцы в карман. Отчётливо чувствуется какая-то картонка – была, вроде, коробочка, – а под ней шершавая кожа, как наваждение. И она манит меня похлеще любого наркотика. Чтобы не спугнуть эти ощущения, я закрываю глаза, медленно достаю коробочку и кладу ее себе на колени. Снова опускаю ладонь в карман и едва не схожу с ума от радости – их там два! Два! Лишь бы в рюкзаке найти «Супрастин»...

Два оранжевых мандарина лежат на столе, а я выворачиваю рюкзак в поисках таблеток.

– Пожалуйста! Ну пожалуйста! – молю я всех богов и во внутреннем кармане под молнией обнаруживаю блистер.

Почти целый. Нет только одной таблетки. Меня начинает колотить. От радости, от предвкушения, от запаха... да от всего вместе взятого.

– Только один. – говорю себе, счищая кожуру, от которой воздух вокруг взрывается этим мандариновым запахом.

Первая долька отправляется в рот...

– Господи... какой же сладкий... – шепчу я, отправляя следом вторую дольку, третью, четвертую.

Наркоманка во мне ликует и требует ещё и ещё, но я откладываю второй мандарин подальше, выцарапываю три таблетки «Супрастина» и запиваю их кофе, который гасит сумасшедшее послевкусие и приносит разочарование.

– Дочитаю и съем. – выношу приговор оставшемуся мандарину и себе.

Беру в руки книгу и поднимаю так, чтобы не видеть провокатора на столе. Достаточно того, как он пахнет. Пока достаточно.

Я сижу красная, как рак, и пытаюсь успокоиться. Сердце колошматится в груди, а щеки горят. Мне даже не нужно зеркало, чтобы констатировать факт – я пунцовая до корней волос. И виноват в этом Потапов. Каждый его роман, каждая история, затягивает меня в омут. Этот запретный омут, где страсть настолько яркая, что у меня слабеют ноги. Здесь нет бутонов и нефритовых жезлов – я ненавижу эти слова всей душой. Он пишет так, как это видит. Не стесняясь в словах и выражениях, называя вещи своими именами. Быть может чуточку недоговаривает. Самую малость. Но я читаю все пропущенное между строк и краснею, краснею, краснею... Чувствую, как твердеют соски, мелко вибрирует кожа на животе, когда обжигающие, жадные губы целуют там Элеонору. Я ощущаю все, что чувствует она. Каждый раз. Каждую историю. словно под именем героини спряталась я сама, и это мое тело пытается, истязает своими ласками Леон. Дома уже давно бы на свет появился мистер Пинкман, но здесь приходится дышать через раз, стараясь загнать обратно разбуженное. Мне душно. Душно в этой одежде. Тело просит хотя бы раз ощутить холодящий шелк под спиной, почувствовать на себе изучающе-голодный похотливый взгляд, вдохнуть терпко-пряный запах и растаять в ладонях, стать с ним одним целым... Хотя бы раз. И каждому, кто не верит в такую любовь, я найду пример. Пусть единственный, но даже он только подтверждает реальность того, о чем пишет Потапов. Нюта и Мирон. Вот они реальные Элеонора и Леон. Да, в их истории нет таких жестоких поворотов, но я вижу всю ту нежность, описанную на страницах книги, в каждом их взгляде, в каждом прикосновении. И я им завидую белой завистью. Если бы они знали, как я им завидую.

Как я хочу этой нежности... Но остаётся лишь читать о ней, краснеть и доставать вибратор, чтобы...

За полчаса я проглатываю остатки книги и свое «хочу так же!». Ем мандарин, почти не чувствуя его вкуса, глотаю «Супрастин», пью холодный кофе и начинаю шарахаться от стола к столу – мне нужно хоть чем-то занять свою голову, чтобы не думать. Чтобы дотянуть оставшиеся часы. Я не знаю зачем заглядываю в каждый прозрачный кабинет и что ищу. Просто. Бесцельно. Дотянуть до восьми утра. Даже набираюсь смелости и поднимаюсь к кабинету Зверя. Опасливо смотрю на бронзовую ручку, прохожу мимо зала для совещаний и зачем-то дёргаю ручку кабинета помощника Сатаны. Массивная дверь неожиданно легко открывается, и я испуганно отскакиваю назад, будто сейчас на меня выскочат черти и утащат на костер. Но проходит минута, другая, третья, а я все ещё жива. Даже начинаю смеяться. Первого января в пять утра офис пуст. В нем есть только один человек – я. И это окончательно выключает мой страх. Я заглядываю в кабинет, сперва через щёлочку, потом открываю дверь полностью и, сделав глубокий вдох, перешагиваю порог.

– Мне просто интересно. Я только посмотрю и сразу же уйду. – шепчу сама себе, приближаясь к столу.

Здесь все практически так же, как и в стеклянных кабинетах. Может быть только Т-образный стол чуть больше и массивнее, да тонкая стопка бумаги неаккуратно лежит на краю, словно ее бросили на ходу.

– Только одним глазком... – даю себе слово и пытаюсь рассмотреть, что написано на листах.

Взгляд цепляется за жёлтый стикер, прилепленный сверху и размашистый почерк, которым написано всего одно слово: «Проверить!» Мне становится смешно. В голове проносится школа, где я работала, и контрольные работы.

– Ну проверю... – важно произношу я.

Сажусь за стол, придвигаю к себе листы и включаю настольную лампу. Несколько минут я бегло просматриваю бесчисленные столбцы цифр, стоящих напротив строчек с какими-то сокращениями, и понимаю, что это какой-то отчёт или смета. Выдвигаю ящики в поисках калькулятора, нахожу толстую папку – такая же лежала у Нюты, – достаю ее и пару чистых листов. Быстрыми движениями расчерчиваю их так же, как сделано в отчёте и выписываю первое сокращение. Ищу его в папке, вписываю рядышком и пересчитываю столбец, не смотря на цифры, которые получились в отчёте.

Первые строки даются мне с трудом, но потом начинаю понимать, как их искать в талмуде, и дело пошло быстрее. Даже достаю ещё пару чистых листов – цифры и расчеты, расчеты и цифры, полностью захватывают голову, вытесняя все остальные мысли. Я улыбаюсь – с каждой строкой мне требуется все меньше времени.

– И что получается? – звучит вопрос.

– Я ещё не сверялась... – не глядя отвечаю я и дописываю ряд цифр, чтобы посмотреть на... на...

Прислонившись к косяку стоит тот, о ком все говорят шепотом, и молча листает мою книгу.

Дэн

Мне смешно, а ей видимо совсем не до смеха. Даже через расстояние, разделяющее нас, я чувствую вопящий ужас, от которого она съеживается и белеет.

«Да, детка! Я именно тот, о ком ты подумала!» – улыбаюсь самыми уголками губ и наградой мне становится новая волна страха, – «Бойся... Ты еще не знаешь, какая честь тебе выпала.»

– До конца проверила? – спрашиваю полушепотом и ставлю еще один плюс себе в карму.

Девчонка за столом сжалась так, что над столом видны только плечи, затянутые в серый свитер с высоким воротником и голова, которая судорожно дернулась из стороны в сторону.

– Занятная книженция... – делаю шаг к столу и небрежно ее бросаю.

Книга опускается на столешницу с приглушенным ударом, девчонка вздрагивает и краснеет до самых корней волос, будто я ее застукал голую.

«Казнить нельзя помиловать». – смакую где поставить запятую и подхожу ближе, чтобы посмотреть, что там она насчитала.

Крупный ровный почерк училки младших классов на разлинованном листе приятно удивляет. Но этого мало, чтобы запятая перескочила слово «нельзя». Кладу рядом с первым листом отчета проверенный. Все это время фигурка в кресле не дышит и старается провалиться сквозь землю.

– Фамилия. – рычу я, сравнив несколько итоговых цифр.

– Лу... Лу... Лу... – пищит она в ответ, заикаясь и трясясь осиновым листом.

– Пиши! – переворачиваю лист и двигаю к ней.

Девчонка судорожно сглатывает, берет в руки ручку и долго выводит свою фамилию.

– ЛуковАя? – спрашиваю, делая ударение на букву, над которой она сделала риску-насечку.

– Д... д... д...

«Прикольная трусиха. Ответить не может, а ударение ставит.»

– Восьмого в десять тридцать в моем кабинете. – говорю я и добавляю, окончательно добивая, – С вещами!

Кажется, в этот момент она замерла и побелела еще сильнее, но мне уже все равно. Я сминаю все бумаги, разворачиваюсь и иду к дверям, комкая листы от злости.

Кажется, последний день решил показать мне всю глубину задницы. Видимо кто-то решил, что день в рабстве у Кумы, слишком мало и добавил от щедрот эту проверяльщицу с отчетом. Пусть теперь подергается неделю. Свалить все равно не получится – кадровики выйдут через неделю, да и без моей подписи слинять у нее не выйдет. Я позабочусь об этом. Прямо сейчас. Пока иду к дверям своего кабинета, пишу на электронку Эльвире всего пару строк и с довольным хохотом нажимаю кнопку «Отправить».

– Повеселюсь я восьмого. – хмыкаю я, – Кума, тебе такое и не снилось!

Делаю в голове пометку рассказать все ему, как он оклемается после сегодняшней ночи, и уже закрывая дверь своего кабинета краем глаза замечаю, как мимо проскочила эта пигалица Луковая.

А Кума был прав. Эта ночь навсегда останется в моей памяти. Не припомню, чтобы в течении одного дня я хотел его убить почти каждый час не по разу. Своими имбецильными фантазиями ему удалось то, чего не смог добиться никто. Таким ничтожеством я себя не чувствовал никогда. Ему оказалось мало вырядить меня в Снегурочку, заставить красить губы, приехать в гей-клуб и пить там весь вечер мартини, борясь с желанием сжечь дотла этот гадюш-

ник. И ведь каждый раз, когда я только собирался забить по самые гланды предложение потанцевать очередному заднеприводному, он возникал из ниоткуда и показывал сложенный лист и часы. Извращенец конченный! Лишь в час ночи он решил, что с меня хватит и мы снова летели на розовом лимузине по городу в неизвестном мне направлении.

Снова клуб. Закрытый клуб, в который нас пустили, отобрав телефоны и заставив нацепить на лица маски. Я даже выдохнул от облегчения. Светить лицо в таком виде лишний раз мне не хотелось. Но Кума решил, что это касается только лица. Исполнять стриптиз для бухих теток, которые мне годились в матери...

– Кума!

– Дэн. – отвечает он и кивает головой на шест, – Посмотрим, сколько отваяют за твою бицуху. Получишь больше косаря зеленых, считай, что ты отработал.

– Дай слово! – рычу я.

– Я свое слово держу, Дэн. Зажги этот блядюзник!

В моем понимании стриптиз танцуют девушки для меня. А не я. Не пойми для кого. Хотя второй раз повторять эту часть ночи я не стану даже за миллион. Кума с издевкой смотрит на мои кривляния и уворачивается от снятых вещей, которые летят строго в его наглуую рожу. Цинично засовывает мне в трусы сто баксов – единственное, что я «заработал», – и машет слезать со сцены.

– Погнали дальше, братка. – кричит он, возвращая мне шмотки. – Тут твоя жопа не в почете. Видимо не докачался.

Кума показывает на соседний шест, где крутится парень лет двадцати пяти. В его трусах нет свободного места от денег. Купюры валяются прямо на сцене, скомканные сотки, двадцатки... И этот дождь не прекращается. Я зло матерюсь, ведь по всем показателям этот выпендрожник просто задохлик по сравнению со мной.

– Учись, Дэн. – Кума толкает меня в сторону выхода, – Жопой крутить тоже надо уметь.

– Заткнись!

– Мог бы и поблагодарить... Сотку только я тебе запихнул. – он замирает, словно что-то забыл, – А нет. Я был вообще единственный, кто оценил твои пируэты.

– Заглохни!

– Не переживай. Сейчас поедем туда, где ты сможешь выпустить пар и резко поднять настроение.

Кума сдает маски, забирает наши телефоны, а я ловлю себя на мысли, что у меня начинает дергаться глаз. С каждым часом его «предложения» вдавливают меня в дерьмо по самую макушку. Я начинаю считать минуты до своего освобождения пока долбаный лимузин везет нас загород.

Мне не нравится место, куда мы приехали. Самая задница города, спрятанная среди каких-то промышленных ангаров. Но Кума уверенно идет к одному из них.

– Не отставай. Будешь тянуть время и все, что было до этого, покажется тебе цветочками.

Нас встречает пара бритоголовых чуваков и Кума кивает на меня:

– Это он.

– Пошли. – провожатые открывают толстую стальную дверь и ведут нас по каким-то лабиринтам, уходящим под землю.

В нос начинает бить усиливающийся запах пота, слышно рев толпы и выкрики, усиленные микрофоном. Разобрать слова в какофонии отражающихся от стен звуков нереально. Я успеваю уловить лишь одно – «Раунд!», и нас вталкивают в небольшую комнатку. Яйцеголовые братки выдают мне шлем с решеткой напротив лица и перчатки.

– Переодевайся. – командует один, – Лайм уже готовится.

– Давай, не тяни, Дэн. – подгоняет Кума, стягивая с меня полушубок. – Сейчас отыграешься за все.

– Это что за место? – спрашиваю его я.

– Подпольные бои, брат. Сейчас выйдешь, хлебальник Лайму свернешь, парок выпустишь. Дай, кстати, пару соток. Поставлю на тебя.

Я достаю кошелек, протягиваю ему всю наличку, которая у меня есть.

– Ставь, сученок! И представляй, что на месте Лайма ты!

– Во! Правильно! Настраивайся! – подбадривает Кума, помогая застегнуть шлем и натянуть перчатки, которые мне малы.

Бритые молча смотрят на наши приготовления и деньги, брошенные на скамейку.

– Ставки принимаете? – спрашивает Кума.

– Ну... – тянет один.

– Все. На Лайма. – кивает он на купюры. – Дэн, это лишний повод, чтобы ты не филонил.

– Не на того поставил, Кума. – рычу я, накачиваясь злостью.

– Пошли.

Бритые открывают дверь, и мы снова идем. Короткий коридор, за которым огромная комната-зал. Перед нами расступаются и Кума приподнимает верхний канат.

– Дамы и господа! И финальный бой сегодняшнего дня! Снегур против Лайма! – орет рефери в микрофон, и толпа начинает гудеть, словно пчелиный рой.

– Давай, Дэн, не подкачай. – улыбается Кума.

– В правом углу наш претендент, Сне-е-е-гу-у-ур!

– Просрал деньги в пустоту! – кричу я Куме, перелезая через канаты.

– В левом, наша чемпионка – Ла-а-айм! – рефери едва слышно через одобрительный ор и свист.

– Чемпионка? – переспрашиваю я и Кума кивает, – Я не бью женщин, Кума. Ты знаешь. Это мой принцип.

– Твой принцип против твоей свободы. – ухмыляется он в ответ и хлопает по плечу, – Иди, выпусти пар, Дэн!

Я разворачиваюсь лицом к разминающейся девушке. Половую принадлежность можно определить только по выдающимся формам груди, а остальное... Лысая черепушка и комплекция хорошего вдовника. И судя по ее движениям, чемпионкой ее называют не зря. Но я не бью женщин... Никогда. Ни при какой ситуации. Даже если это стоит нескольких часов моей жизни.

Кума садится на единственный свободный стул в первом ряду и поднимает вверх сжатый кулак. Я отрицательно мотаю головой – ни за что! Вытерпел двадцать часов его садизма на грани фантастики – вытерплю и этот цитрусовый комок гипертрофированной агрессии. Рефери что-то вещает про запрещенные удары, но мне на них плевать. Я уже знаю, что солью бой и просчитываю сколько протяну в защите.

– Двенадцать раундов по пять минут. Перерывы по минуте. – судья смотрит мне в глаза, чтобы убедиться, что я его услышал.

– Двенадцать по пять... – повторяю я и зло шепчу, – Хер ты увидишь, как я падаю, Кума...

– Что?

– Это я себе.

– Если готов, подойди и поприветствуй противника.

Резко дергаю головой из стороны в сторону, пару раз хлопаю по шлему, проверяя, как он держится, и иду в центр ринга. Жму руку в перчатке... Гонг...

Я практически ничего не слышу, кроме своего надсадного дыхания и бухающей крови в висках. Прижав локти к ноющим ребрам и наклонившись немного вперед, отсчитываю обратное время до гонга. Лайм хреначит меня седьмой раунд так, словно она паровой молот, а не человек. Каждые ее удар, хлесткий, точно выверенный, находит малейшую брешь в моей защите, и я лично убеждаюсь в том, что она чемпионка по праву. Первые пять минут она

просто проверяла меня, делала пробные атаки, быстро уходя с линии возможного контрудара. После гонга на ее лице возникло удивление и минуту перерыва она смотрит на меня из своего угла, думая, что я задумал какую-то хитрость. Второй раунд. Я снова в глухой защите, Лайм начинает давить. Осторожно, опасливо косится на мои кулаки, которыми я закрываю голову, и уходя на перерыв вижу, как она проводит ребром ладони по горлу и хищно улыбается. Кума подходит к канатам и орет, чтобы я насрал на свои принципы и навалил этой овце. Я снова мотаю головой и встаю, услышав гонг.

Ад. Это крошечный ад. Лайм поняла, какой противник ей достался, и вымещает свою злость, используя меня, как грушу в тренировочном зале. Одиночные удары, связки, снова одиночные... Что-то я успеваю заблокировать, но начинаю пропускать. Сперва один, потом второй – это путь в один конец. Но до него, как до Китая раком.

К десятому раунду все мое тело представляет одну сплошную боль. Лайм удар за ударом бьет мне в плечо. В одну и ту же точку. Раз за разом. Она бесится, что я еще стою, и эта злость для нее, как второе дыхание. Удары становятся невыносимыми, и я чувствую, что еще немного и рука, забитая до невозможности, просто упадет плетью, открывая голову. Кума уже орет во все горло, вцепившись руками в канат. Но я упорно отказываюсь сделать хотя бы один удар. Гонг... Минута... Я хочу сдохнуть...

– Дэн! Твою мать! Хотя бы по жопе! Она тебя в котлету замесит! – орет Кума, вытирая полотенцем пот с моего лица.

– Я... не... бью... женщин... – со злостью выдыхаю я, смотря ему в глаза. – Никогда.

– Только не упади, брат. Я в тебя верю. Не дай ей такого счастья. Осталось немного. – шепчет он.

И я мотаю головой.

– Ни за что. – отвечаю без особой уверенности.

Гонг...

Последний раунд. Я едва успеваю уворачиваться от ударов правой, стараясь прорваться поближе к Лайму, навалиться на нее и хотя бы немного потянуть время. Левая рука меня не слушается, я не могу даже приподнять ее и по глазам соперницы отчетливо вижу, что она поставила себе цель свалить меня любой ценой. Почти все ее удары идут в неприкрытую часть головы и мне приходится шагать им на встречу, ломая траекторию, принимая на правую, защищенную. Перед глазами давно прыгают звездочки, ноги готовы подкоситься в любой момент, но сзади орет Кума, отсчитывающий последние секунды, и это помогает.

– Пять...

Лайм делает замах правой.

– Четыре...

Я шагаю влево, немного смещая правую руку, чтобы принять ее кулак.

– Три...

Она резко переносит вес на другую сторону.

– Два...

Ее левая рука стрелой рвется к моей голове.

– Один!!!

Башка взрывается одновременно с ударом гонга. Лайм все же поймала меня, вложив в последний удар всю ненависть, всю свою агрессию. Меня клонит к земле, я мотаю головой, пытаюсь избавиться от звона в ушах...

– СТОЙ!!! СТОЙ!!! ДЭН СУКА!!! СТОЙ!!! БУДЬ МУЖИКОМ ДО КОНЦА!!! – орет Кума, но я его едва слышу.

Каким-то чудом я ловлю равновесие и стою, шатаюсь из стороны в сторону. Мою руку берет рефери и по реву толпы угадываю, что он только что поднял вверх руку Лайма. Мне плевать. Хочется только одного – чтобы все это побыстрее закончилось. Перед лицом возни-

кает блестящее пятно, и я несколько раз моргаю, пробуя сфокусироваться на нем. В нос ударяет противный запах, голова дергается назад, подальше от этой вони. Моргаю в очередной раз и вижу, что Лайм стоит передо мной, сжимая комок ваты.

– Полегчало? – спрашивает она.

– Спасибо... – киваю ей в ответ.

– Хорошо держался.

Лайм хлопает меня по плечу, и оно моментально взрывается от боли.

– Держись, Дэн. Сейчас мы тебя подлечим. Молоток!

Кума подхватывает меня и тащит сперва в раздевалку, а потом в лимузин. Я практически не переставляю ноги, чувствую только как в спину упирается спинка сиденья и проваливаюсь в темноту.

Кума о чем-то весело болтает. Ему отвечает воркующий голосок, а я сдавленно хриплю, когда в руку впивается игла.

– Лежи спокойно, Дэн. Сейчас полегчает.

– Время... – шепчу я, – Сколько сейчас?

– Без пяти шесть. – отвечает Кума.

– Беги... Беги, Кума...

Я медленно поворачиваюсь и открываю глаза. Молоденькая медсестра испуганно смотрит на меня и пугается к дверям. Единственное правильное решение, когда я начинаю говорить таким тоном.

– Ты нас оставь ненадолго. Хорошо? Я тебе позвоню. – Кума провожает девушку до дверей, закрывает их изнутри и пододвигает поближе к койке, на которой я лежу, столик. – Красивая.

– Лучше беги.

– Потом. Как-нибудь потом побегаем, Дэн. – он поднимает свой мешок, развязывает его и переворачивает над столиком.

На блестящую стальную поверхность валятся стопки денег, мандарины, снова деньги. Кума распикивает это все в разные стороны и что-то ищет.

– Блядь!

Он снова перебирает мандариново-денежный завал, матерится, выворачивает мешок наизнанку и со злостью пинает столик.

– Что не так? – спрашиваю его, – Забыл взять лист, чтобы написать завещание?

– Коробочка! Дэн, тут была коробочка!

– Была.

– Где она? – Кума подходит к койке, – Дэн, где эта коробочка?

– Я ее отдал девчонке.

– Какой еще девчонке?

– Той. У лифта.

– Дэн, ты мудака! – Кума сокрушенно опускается на стул, – Вот ты мудака!

– А что с ней не так? – спрашиваю я.

– Это была вишенка. А теперь... Блядь!

– Давай поподробнее.

– А смысл?

– Очистить совесть.

Кума рассказывает долго. И как планировал, и зачем все это было, и что было в коробочке. Мне смешно. Двадцать четыре часа ада для меня ради одной коробочки, а я ее отдал первой встречной. Медсестричка ещё дважды меняет стекляшки с какой-то жижей в капель-

нице и тут же убегает, опасливо косясь на меня и постреливая глазками Куме. Долбаный ловелас уже и здесь отметился.

– Ничего такая. – одобрительно говорю я, когда жертва Куминого обаяния снова исчезает за дверью.

– Галочка. – Кума улыбается.

– И что теперь?

– По домам. Если ты еще не передумал меня убивать.

– Живи.

Я выдергиваю из вены иглу и поднимаюсь на кровати.

– Где мои шмотки?

– Сейчас все будет!

Кума достает из шкафа у дверей коробку и мой костюм в чехле.

– Сученыш, все продумал... – смеюсь я и с наслаждением надеваю рубашку.

– Дэн...

– Что еще?

– Слушай, может ты сам до дома? – спрашивает Кума, косясь на дверь.

– Не вопрос. Только не вези ее по своим любимым клубам.

– Не. Я просто поболтаю немного.

Я вызываю такси, называю свой адрес и на полпути понимаю, что не хочу домой. Единственное желание – снова почувствовать себя человеком. Шофер молча сворачивает, когда я меняю адрес, и везет меня в офис.

На этаже пусто, только горит дежурное освещение и настольная лампа во второй секции. И никого. Видимо тот, кто должен был сегодня дежурить, решил забить и свалил пораньше или не приходил вообще. Это меня злит. Мне хватило одного пожара. Я пулей проношусь по коридору, подхожу к столу, на котором горит лампа, и вижу кружку с остатками кофе, кожуру от мандаринов и книжку. На спинке стула висит пуховик, значит кто-то все же есть. Я смахиваю кожуру в мусорное ведро, беру в руки книгу с девчачьим названием «Элеонора» и иду к своему кабинету.

Открытая дверь у кабинета помощника. Кажется, кто-то решил сегодня поработать сверхурочно или... За столом сидит какая-то пигалица, увлеченно отбивающая пальцами по калькулятору. Она что-то считает, сверяется с таблицами, и совершенно меня не замечает. Мне становится смешно. Пигалица словно провалилась в свои расчеты и даже не поднимает головы. Я открываю книгу где-то посередине и решаю подождать. Мне интересно, как она отреагирует на мое появление. Минут двадцать читаю розовые сопли, разбавленные постельными сценами, поднимаю глаза – она все так же клацает калькулятором.

– И что получается? – спрашиваю я.

– Я еще не сверялась...

Пигалица отвечает на автомате и только потом до нее доходит... Она поднимает свои глаза, и я упиваюсь той волной страха, которая ее захлестывает.

Катарина

– Горе ты луковое. – вздыхает Нюта, – Вот скажи, зачем ты туда пошла?

– Я не знаю. Просто стало скучно.

– А теперь весело стало, правда?

Я виновато мотаю головой и прячу зареванные глаза. Мироша даже не стал ничего спрашивать, когда я вылетела из офиса. Протянул упаковку салфеток и молча слушал мои завывания всю дорогу, а теперь ходит кругами по кухне – думает, чем можно мне помочь и как исправить эту ситуацию. Про увольнение никто ничего не говорил – всем и так ясно, как божий день, что Зверь выпнет в первый рабочий день года. За меньшие грехи увольнял, а тут и подавно. Мало того, что в чужой кабинет вломилась, так еще и в документах ползать начала. Проверьщица. Допроверялась на свою голову.

– Нужно уже сейчас искать работу. – говорит Мирошка.

– Ага. Все кадровики так и ждут первого числа новеньких. Большой глупости не мог сказать? – Анюта укоризненно смотрит на мужа, а я снова начинаю хлюпать носом.

Почему-то всегда, стоит мне вляпаться, мои проблемы приходится расхлебывать им.

– Не реви. – Нюта обнимает меня и спрашивает, – Когда у тебя платеж по ипотеке?

– Двадцать пятого... – я размазываю слезы по щекам.

– Так. В этом месяце проплатить хватит. Расчетные тебе все равно переведут, а там и за неиспользованные отпуска и премия за год. Может даже на два платежа хватит. Я выйду, попрошу, чтобы Лидка все посчитала. – Нюта включает калькулятор в голове на полную катушку и лезет в интернет, что-то гуглит, и с каким-то облегчением выдает, – Не ной! Прорвёмся.

– Как?

– Квартиру свою сдавать будешь, сама к нам переедешь. На платеж может чуточку не хватит, но там и работу найдешь.

– Где?

– Не знаю. В ту же школу устроиться можно на первое время. – Нюта говорит это так уверенно, что даже Мироша прекращает свои забеги от стены к окну.

– А если не возьмут? – спрашиваю я.

– Возьмут! Мирон, ты-то чего молчишь?

Анька зыркает на мужа, и он начинает кивать.

– Действительно, Катарин. Поработаешь немного в школе, пока ищешь что-нибудь посерьезнее. – говорит он, – У тебя башка варит ого-го как! А там все как-нибудь рассосется.

– Я опять мешать вам буду... – неуверенно пишу я.

– И даже думать о таком не смей! Комнат у нас свободных что-ли нет? Или ты нам не родная? – Нюта выглядывает в коридор, где Оля с Бубликом затеяли забеги наперегонки, – Никому ты мешать не будешь! Олька так только рада будет, что Бублик здесь теперь живет.

– Правда? – спрашиваю я.

– А ты сама посмотри!

Я смотрю как Оля с довольным визгом пронесется по коридору, а следом за ней летит Бублик, быстро перебирая своими крохотными лапками. И судя по его счастливому тявканью, собачен рад до безумия.

– Убедилась, рева? – Нюта снова пододвигает ко мне тарелку с кашей, – А теперь лопай и шуруй спать!

Я киваю и впихиваю в себя ложку каши под суровый взгляд подруги. Есть абсолютно не хочется, но спорить и пререкаться с Нюткой – себе дороже. Она все равно найдет на сто доводов больше почему сейчас мне крайне необходима овсянка. Пока я ем, Мирошка ставит

чайник на плиту и наливает мне в кружку чай с мятой, когда я запихиваю в себя последнюю ложку. Нюта и тут контролирует, подсовывая вазочку с печеньем.

– Теперь моем глазки, чистим зубки и баинькать. – говорит она и я едва заметно улыбаюсь.

– Нюта, я не маленькая.

– Пospорь еще со мной... – Нютка сама улыбается.

Мне очень хочется ей верить и Нюта, словно прочитав мои мысли, ласково произносит:

– Все будет хорошо. Даже если сейчас кажется, что все совсем плохо. Спи, Луковка.

И я закрываю глаза. Это детское прозвище действует на меня, как успокоительное. Особенно, когда меня так называет Нюта. А она сидит рядом со мной на краешке дивана и никуда не уходит, только негромко шикает на Олю, влетевшую в комнату.

– Mam, давай сошьем Бублику култку! – требует она.

– Тише. Видишь тетя Катарина спит.

– Mam, ну давай сошьем култку. – переходит на шепот Оля.

– Зачем ему куртка?

– Чтобы он не мелз на улице.

– Он не мёрзнет. Видела какая у него шерсть?

– Ну и что. У папы тоже есть шелсть, но он носит култку.

– Где это ты видела у него шерсть? – спрашивает Нюта и я приоткрываю глаза.

– Вот тут. – девочка тычет пальцем себе на грудь, – Плавда немного, но это же тоже шелсть.

Нюта смеётся и согласно кивает.

– Хорошо. Сошьем ему куртку. Только не шуми.

– А когда?

– Сейчас тетя Катарина уснет и пойдем.

– А она ещё долго будет засыпать? – сыплет вопросами Оля.

– Уже почти уснула. – негромко отвечаю я.

– Тогда почему у тебя глаза открыты?

– Потому что кто-то не даёт уснуть со своими вопросами. Иди попроси папу достать мою коробку. – Нюта не успевает договорить, а девочка уже срывается из комнаты с довольными криками.

– Нюта. – шепчу я.

– Что?

– Спасибо.

– Спи уже, Луковка.

– Сплю.

Я снова закрываю глаза и поудобнее устраиваю голову на подушке. Нюта аккуратно поправляет одеяло и тихонько выходит из комнаты, прикрывая за собой двери. Мне становится так тепло и уютно, что даже не замечаю, как начинаю проваливаться в дрему.

Просыпаюсь я уже ближе к вечеру от того, что Бублик лезет ко мне на подушку и зарывается носом в волосы. Он фыркает, несколько раз чихает и это окончательно прогоняет остатки сна. Самое странное, что я вообще ничего не помню из того, что снилось. Будто кто-то щёлкнул выключателем, и я уснула, а потом включил его обратно и в волосах елозит хитрая мордашка. Бублик перескакивает на другую сторону, царапая голову коготками, тюкается мокрым носом в лицо и снова чихает. Я прячусь под одеяло, но собаке видимо считает это какой-то игрой, протискивается между моей рукой и подушкой и лезет целоваться. Его шершавый язык сперва

проходится по моему носу, я отбрыкиваюсь, а Бублик уже лижет мне щеки, окончательно поверив в то, что его хозяйка придумала новое развлечение для такой царственной персоны.

– Бубли! – уже я фыркаю, отмахиваясь от наглого такса и он начинает тявкать, цапая меня за пальцы.

Бублик скачет под одеялом, игриво клацает зубами пока я не ловлю его и не прижимаю к себе. Хитрая сосиска тут же затихает, и я чувствую, как под ладошкой часто-часто бьется его крохотное сердечко.

– Ты мой хороший. – шепчу я, почесывая ему пузо и целуя в затылок.

Бублик довольно урчит, словно понимает все, что я ему говорю.

– Мой маленький и вредный защитник. – произношу я и поддавшись какой-то бесятине аккуратно прикусываю Бублику кончик уха.

Собакен опалев от такой подлости замирает и лежит неподвижным бревнышком. Только кончик хвоста, дергающийся из стороны в сторону, и частое дыхание выдают, что он на самом деле только притворяется. Еще несколько минут мы с ним дурачимся, а потом в комнату влетает Олечка и Бублик выскальзывает из-под одеяла, чтобы целоваться уже с маленькой девочкой. Оля залиvisto смеется, я сажусь на диван и негромко произношу Бублику:

– Подлый предатель.

Он на секунду поворачивается ко мне и недовольно фыркает, как будто я его обвиняю без оснований.

– Оляка, иди ко мне. – зову я девочку.

И через пару секунд мы уже вдвоем прячемся от Бублика под одеялом, а он скачет по дивану, громко тявкает, когда мы не пускаем его к себе, и довольно урчит, попав в цепкие руки Оли.

– А мама сшила Бублике свител. – гордо произносит она и я прошу ее показать, что получилось.

Оля быстро соскакивает с дивана и уносится из комнаты, следом за ней срывается Бублик, едва не перевернувшись на повороте. Он быстро-быстро перебирает своими лапками, чтобы догнать беглянку, а потом так же быстро летит обратно, запрыгивает со второго раза на диван и прячется под одеяло. И через мгновение в комнату влетает Оля с чем-то красным в руках.

– Вот! – говорит она и показывает мне не то рубашку, не то курточку. – Но Бубли не дает его наляжать.

В ее голосе слышно столько обиды и расстройства, что я выковыриваю маленького хитрюгу из-под одеяла, и мы в четыре руки одеваем таксу, которая извивается ужом и угрожающе щелкает зубами.

– Класавчик!

Оляка произносит всего одно слово, а я начинаю хохотать, как припадочная. Ровно с такой же интонацией и тем же словом Нюта охарактеризовала Мирошку, когда увидела его впервые.

– Кто это тут разбушевался? – спрашивает Нютка. Она стоит у дверей, укоризненно качает указательным пальцем, лишь улыбка на лице говорит о том, что она ни капли не сердится. Просто строгая мамочка. – Давайте обе за стол. Одна завтракать, а вторая ужинать.

– Ну мама... – тянет Оляка, прячась за мою спину, – Мы плосто Бублию наляжали.

– Давай без разговоров. Поужинаешь, а потом с папой сходите выгулять эту злыдню. – Нюта показывает мне пальцы, залепленные лейкопластырем, – В следующий раз сама будешь мерки с этого вурдалака снимать. Все руки разодрал. Глиста в скафандре.

Бублик громко тявкает откуда-то из глубины скомканного одеяла, но не высовывается.

– Порычи еще мне!

Из-под одеяла снова раздается что-то обиженно-гневное, но уже гораздо тише.

– Вот так-то! – Нюта разворачивается и добавляет, – А если кто-то сейчас не пойдет на кухню, то о сладком может забыть!

Олька сдувает ветром с дивана, следом показывается мордочка Бубли и, убедившись, что ему ничего не грозит, улетает за девочкой – только уши развеваются. А я еще сижу пару минут, собираю волосы в хвост и топаю в ванную. Нюткина ночнушка на мне висит бесформенным длинным балдахином и постоянно приходится поддерживать край, чтобы не запнуться. Один раз я уже грохнулась, запутавшись в подоле, и теперь на память у меня остался крохотный шрамик под коленкой. Кажется, только я могу упасть на ровном месте, обязательно сметая все вокруг. На цыпочках пробираюсь к своему рюкзаку, достаю небольшой сверток в новогодней упаковке и, пробравшись к елке, стоящей в большой комнате, прячу его под нижними ветками.

На столе меня ждет тарелка с пюре и огромным, по моим меркам, куском мяса по-французски. Нюта считает, что я ем слишком мало, и всегда, стоит мне только попасть к ним в гости, начинает закармливать. Будто не знает, что большая половина, из того, что она наложила, все равно останется. При всем желании, съесть все у меня не получится.

– Хватит вздыхать. – говорит она, – Садись и ешь!

– Мне столько не осилить...

– Мироша...

Нюта произносит имя мужа так, что в голове проносится картинка – Мирон сейчас встанет и ложка за ложкой начнет кормить меня, как маленькую. Но он начинает смеяться, подходит к холодильнику и достает из него то, от чего у меня пропадает всякое желание пререкается и спорить. Огромный мандарин!!!

– Получишь после того, как поешь! – говорит Нюта и рядом с моей тарелкой появляется упаковка «Супрастина» и стакан с соком. – Ольку накормить проще чем тебя.

Девочка угукает, не поднимая головы от своей тарелочки, и орудует вилок с такой скоростью, словно только что вернулась с голодного острова. Правда всего одна вещь – шоколадка рядом с детской кружечкой – разрушает Нютино утверждение. Мне смешно от того, что она так подло манипулирует моей слабостью, но Мирошка нарочито медленно начинает чистить мандарин от кожуры, воздух наполняется горьковато-сладким ароматом и я хватаюсь за свою вилку, тайно ненавидя этих засранцев.

Съесть всю порцию у меня все равно не получается, и, хотя Нюта умудряется впихнуть в меня еще две вилочки – за Бублика и за Олечку, – я отодвигаю тарелку и отваливаюсь на спинку стула, всерьез опасаясь, что живот вот-вот лопнет.

– Умница. – говорит подруга, убирает тарелку и ставит передо мной блюдо с мандарином, распатроненным на дольки.

Я отдуваюсь несколько минут, прислушиваясь к своему желудку. Кажется, что всего от одной дольки мне окончательно поплохее, но пальцы сами тянутся к блюду – мандаринка слишком завораживающе пахнет и оставить ее нетронутой – преступление. Нюта с Мирошей улыбаются, когда я начинаю тихо на них ругаться, уплетая долька за долькой. Даже Оля замирает и наблюдает за мной. На мордашке, испачканной шоколадом, застыл немой вопрос – чего это тетя Катарина жалуется, если ей тоже досталась вкуснятина?

– Вы два садиста! – тихо выдаю я, проглотив две таблетки, – Мне теперь не встать, пока все не переварится.

– Не стони. – Нюта хохочет, – Хотя здесь поешь нормально, а то кроме салатовых листочков и супа из воздуха в твоём меню ничего нет.

– Все равно это слишком жестоко! – ною я, поглаживая ощутимо округлившийся живот.

– Поплачь еще. Олька больше твоего умяла и не ноет.

– Да. – кивает девчушка, размазывая салфеткой по щекам шоколадные разводы.

– Могла бы за меня заступиться! – притворно стону я, – Тогда бы я тебе открыла секретик.

– Какой? – тут же меняется в лице Олечка.

– А вот теперь не скажу!

– Так не честно! – девчушка обиженно куксит носик, – Я же не знала пло секлет!

– Ладно... Еще не хватало, чтобы ты на меня дулась. – говорю я, и заговорщицки добавляю, – Я там под елкой видела кое-что...

Оле дважды повторять не приходится. Я слышу топот ее ножек, тихое позвякивание шариков на елке – девочка явно нырнула под нее с головой – и через пару секунд счастливое: « Ула!!!!». Трещит разрываема бумага, мы прислушиваемся к тишине, а потом Оля блаженно вздыхает: « Класотка!!!». Она возвращается на кухню и мне кажется, что девчушка светится ярче солнца. Столько счастья и радости в ее глазах от куклы, прижатой к груди, что я ловлю себя на мысли – когда-нибудь у меня тоже родится такое Солнышко.

– Мама, а можно я возьму ее с собой, когда мы пойдем гулять с Бублей? – спрашивает она, – Я буду аккумулятно. Плавда-плавда!

– Конечно можно. – кивает Нюта, – Иди уже одевайся.

И когда Оля уносится в свою комнату смотрит на меня с какой-то укоризной и чем-то еще, что я не могу понять.

– Балуешь. Она же дорогая. – говорит она.

– Могу и побаловать немного. – отвечаю я, – Хотя бы ее.

Нюта открывает рот, но тут же осекается и произносит явно не то, что хотела сказать:

– А ты чего ждешь? Шуруй под елку! Или думаешь, что про тебя никто не помнит?

Я не люблю Новый год, но иду в комнату и под хитрые взгляды Мироши и Нюты лезу под елку. Подарок с бирочкой, на которой выведено мое имя, специально спрятан так, чтобы я его нашла не сразу. Коробка, завернутая в серебристую с белыми звездочками бумагу, зарыта в «снег» и сверху прикрыта хвостами мишуры. Я ползаю на коленях вокруг елки, как маленькая девочка, трижды пропускаю этот тайник, а Нюта тихонько хихикает в кулачок.

– Ищи, ищи лучше. – советует она и я захожу на четвертый круг, тщательно перерывая «сугроб».

Я реву и прижимаю к груди свой подарок, как Оля несколько минут назад. Сажу на полу среди обрывков упаковочной бумаги, подогнув ноги, и вою от счастья.

– Нюта-а-а-а... Ты золото... – хлюпая носом, выдыхаю я, прижимая книгу Потапова с автографом, в котором он написал: «Катарине, с наилучшими пожеланиями от автора». И постскрипtum: « Пусть эта история станет жалким подобием Вашей любви».

Дэн

В какой-то момент я начинаю хохотать в голос. И мой смех, разносящийся по кабинету, добавил бы седых волос тому, кто его услышал. Я представляю себя пауком, раскинувшим свою паутину в ожидании всего нескольких минут. Кума, Кума, ты даже не представляешь, как я понимаю тебя. Вот только план, который ты вынашивал восемь месяцев, не стоит рядом с тем представлением, что я приготовил для себя. Я здесь и режиссер, и единственный зритель, способный оценить всю картину целиком. За семь дней, никто из актеров не узнал, что за роль ему уготовлена. Даже Эльвире выданы такие крохотные поручения, что из них ничего не ясно. Для нее все отправленные письма настолько привычны и обыденны – время, текст – можно сделать лишь один вывод – Зверь хочет обсудить планы на год с каждым из начальников отделов лично. Я знаю, что все меня так называют. И это только добавляет веселья.

– Вы хотите увидеть настоящего Зверя? Я вам его покажу! – хохочу я.

Каждому, абсолютно каждому, я приготовил подарок, который он не забудет. Лично от Зверя. На долгую память!

Может быть только этой пигалице достанется чуть меньше, но ей так не покажется. Если уж одно мое появление загоняет ее в такой панический ужас, то сегодняшнее станет самым кошмарным воспоминанием в жизни. Чтобы в следующий раз думала стоит ли совать свой нос в чужие дела. А я буду упиваться этим ужасом! Спасибо, Кума! Всего за один день ты научил меня очень многому! Жаль, учитель не сможет насладиться триумфом своего ученика. Галочка, будь она неладна. Медсестричка чертова. Даже интересно до чего вы там доболтались, что Кума стал меняться? Какими колесами нужно было накормить этого мартовского котяру, чтобы он семь дней носился за одной и той же юбкой? Ничего, наиграется и выкинет, оставив после себя иллюзию разрушенной сказки, которые так любит эта пигалица Луковая. Страшно сказать, но я нашел ту книгу, которую она читала... Каждая страница лучше любой комедии. Розовые сопли, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Только под наркотой можно выдумать, как успешный и богатый бежит за девочкой из ниоткуда и стелется перед ней, превращаясь в тряпку! Никогда! Никогда такого не было и не будет! Ты либо берешь, то, что хочешь, либо пускаешь слюни на то, что тебе никогда не будет принадлежать! Других вариантов в реальном мире быть не может!

– Даниил Владимирович, Алеутов и Синявин ждут, когда вы их вызовете. – сообщает селектор голосом Эльвиры.

– Луковая пришла? – спрашиваю я.

– Еще нет, но вы назначили ей на десять тридцать.

Я смотрю на часы и жду. Пусть помаринуются. У меня есть дела поважнее. Еще раз просмотреть три папки с личными делами, сложить самолетик и секунду подумать перед тем как отправить его в полет в сторону урны, стоящей в дальнем углу кабинета. Бумажный самолет летит, забирая вправо, совершает какой-то невообразимый пируэт, меняет траекторию и опускается ровно в центр корзины.

– Пусть так и будет. – произношу я и нажимаю кнопку на селекторе, – Эльвира, Алеутова и Синявна ко мне. Луковую запустишь ровно в десять тридцать. И ни минутой раньше.

– Хорошо, Даниил Владимирович. Чай или кофе?

– Кофе. Черный. – отвечаю я. Откидываюсь на кресло и добавляю, – Черный, как моя душа.

Два идиота всерьез считают, что планы на год – единственное, зачем их позвали. Я слушаю их вполуха, поглядываю на часы, делая вид, что у меня мало времени. Поверьте, у меня его предостаточно!

– Что по контракту с Аркадьевым? – спрашиваю, перебираю бумаги по этой сделке, будто она меня действительно интересует.

Делаю пометки на полях, а сам жду, когда большая стрелка на часах оповестит о появлении главного действующего лица в этой пьесе. Алеутов принимает мою улыбку за одобрение и начинает распыляться, рисует такую радужную картинку и обещает прибыль от сделки чуть большую, чем ожидалось. Хотя где-то скачки курса играют мне на руку, но сейчас я улыбаюсь совсем не поэтому.

«И вот настало твое время, пигалица!»

Она протискивается в кабинет. Белая, как лист бумаги. Стоит в уголке и боится поднять глаза.

– Садись! – рявкаю я. Она вздрагивает и опускается на самый край стула под непонимающие взгляды Алеутова и Синявина. – Досчитывай!

Толкаю папку, до сих пор лежавшую в ожидании своего часа, и следом калькулятор. Луковая сжимается, стоит ей только увидеть, что именно ей нужно досчитать.

– У тебя десять минут! – произношу я, ускоряя амплитуду и без того трясущимся пальцам. Смотрю на помощника и спокойно спрашиваю, – Когда юристы проверят документы?

Алеутов лезет в свой ежедневник, что-то говорит, абсолютно игнорируя Луковую. Ему не интересны причины зачем Зверь вызвал эту серую мышь. Действительно, очень похожа. Все тот же серый свитер, что и при первой встрече. Будто у нее нет никаких других вещей. Она вообще из него не вылезает что-ли? Я снова возвращаюсь к бумагам, лежащим передо мной. Десять минут, отведенные пигалице на расчеты, чем-то нужно занять, и я начинаю цепляться к пунктам со сроками, уточняю то, что и так написано, посматривая время от времени на скукожившуюся фигурку за столом. И как только она откладывает ручку, поднимаюсь и иду к ней. Смотрю, что у нее получилось. Ровно то, что насчитал я. Копейка в копейку. Вряд ли Луковая увидела мою улыбку, но от голоса, который она услышала, сперва застыла, а потом стала трястись, как припадочная.

– Значит, именно в такую сумму вы оценили жизни людей? – спрашиваю я, перебивая.

– О чем вы, Даниил Владимирович? – Синявин смотрит на меня.

И по его глазам видно, что он действительно не понимает, о чем идет речь. Я беру два листа – последний отчета и тот, на котором Луковая закончила свои расчеты. Умничка. Даже выписала отдельной строкой разницу.

– Вот про это. – подталкиваю листы Синявину. – Тут же стоит твоя подпись?

– Я... Я... Я не понимаю, как это возможно, Даниил Владимирович... Может быть где-то ошибка? Давайте я перепроверю... Это не займет много времени...

– Нет! Уволен! – рычу я, не желая слушать лебезящие нотки в его голосе. – Через десять минут твой кабинет должен быть пуст! Не успеешь – найти новую работу станет для тебя крайне сложно. Рекомендации у тебя будут соответствующие.

– Даниил Владимирович... – Синявин хочет что-то сказать, но мне достаточно одного взгляда, чтобы заткнуть ему пасть.

Он медленно встает и не оборачиваясь выходит из кабинета, оставляя меня наедине с белеющим Алеутовым и полубомбочной Луковой.

– Теперь ты... – я подхожу и сажусь напротив помощника. Беру один из листов контракта с Аркадьевым, не глядя толкаю пигалице, – Если хоть одна цифра...

Алеутов судорожно сглатывает.

– Луковая, проверь. Первой графы будет достаточно. Данные на сорок второй странице в таблице.

Мне не нужны эти цифры. Достаточно того, что вижу, как забежали глаза у помощника. Но лишать себя порции его нарастающего ужаса не собирался. Я как вампир. Упиваюсь каждой

секундой под щелканье кнопок калькулятора. И только оно прекращается коротко рывком, не отводя глаз:

– Неси сюда!

Пигалица словно прилипла к своему месту, и мне приходится перевести свой взгляд на нее и повторить угрожающе леденящим тоном, разделяя слова:

– Встала. И принесла. Быстро.

Мне без разницы, что на нее действует сильнее, но она вздрагивает, медленно встает, поднимает лист – он трясется так, что я слышу его шелест, – и подходит.

– Села!

В этот раз повторять не приходится. Справа отодвигается стул, и она садится даже не на край – клянусь, она едва касается задницей сиденья, – все, чтобы дистанция между нами была максимальна. Я смотрю на ее расчеты, отмечаю, что бумага местами мокрая, и снова поднимаю глаза на помощника, разворачивая лист к нему:

– Интересная картина. Правда?

Он судорожно кивает, не взглянув на цифры, что только подтверждает мой вывод – подтасовывали они не в первый раз.

– Назови хотя бы одну причину, по которой я не должен тебя уволить? – спрашиваю я, делая акцент на последних четырех словах.

Он молчит, а мне и не нужны его слова. Все, что я услышу, будет лебезящей бредятиной, но не настоящей причиной. Скажи он, что все это делал ради дорогостоящей операции для кого-то из родных, я может быть частично его и понял. Но я вижу перед собой лишь трусливое ссыкло, как говорит Кума. Ссыкло, жадное до чужих денег и не способное заработать их честно.

– Уволен. – тихо шелестит мой голос, – Пропуск, телефон и ключи на стол. Прямо сейчас. Пять минут на то, чтобы вынести свой хлам из бывшего кабинета. Трудовую... советую завести новую. А теперь, пошел на хрен из моего кабинета! Увижу хотя бы раз рядом с офисом...

Я замолкаю, оставляя ему право самому додумать, что с ним может произойти. На столешницу один за другим выкладывается то, что я требую. Алеутов подходит к дверям и бросает на пигалицу короткий взгляд, но я успеваю заметить, что в нем вспыхивает ненависть за все произошедшее. Даже здесь он поступает как ссыкло, перекладывая вину на непонятную мышь.

Минут пять мы сидим в абсолютной тишине, а потом я подхожу к мусорному ведру и достаю из него самолетик. Разворачиваю его, разглаживаю и щелчком пальца отправляю под нос пигалицы.

– Если по каким-то причинам ты не можешь понять, что это... – начинаю я, намекая на ее слезы, – ...поясню. Это приказ о твоём увольнении. Мне не интересно, чем был вызван твой исследовательский интерес и что ты забыла в чужом кабинете.

Прохожу за ее спиной, смотрю на дрожащие плечи, удивлённо хмыкаю – ревёт, но так, что не слышно ни звука, – и подхожу к своему креслу. Беру три папки с личными делами, достаю из ящика четвертое – папку, которую изучал последние дни тщательнее других, – обхожу стол уже с другой стороны и сажусь на то место, где буквально недавно сидел Алеутов.

– Сядь нормально – свалишься. – произношу еле слышно, и пока она елозит на стуле раскладывая дела перед ней, оставив папку в руках.

Мне не нужно его открывать. Все, что там написано, я помню.

– Луковая Катарина. – делаю ударение в ее фамилии на предпоследнюю гласную, откладывая папку в сторону и поднимаясь.

Я подхожу к окну, шире открываю жалюзи, делаю глубокий вдох, прекрасно понимая, что сейчас сознательно тяну время. Взвешиваю, чем выльется мне решение, принятое волей случая. Не попади самолётик в урну, разговор пошел бы совсем в другом ключе.

– Итак. Катарина Луковая. – снова начинаю я, – Двадцать семь лет. Не замужем. Матфак РГУ. Четыре курса с отличием, пятый... через жопу. Полгода работала учителем старших классов по математике. Затем уволилась. Правильное решение. Зарплата у бюджетников – говно. Но не будем отвлекаться. После устроилась сюда. Менеджер учёта, хранения и внутрифирменных перемещений. По сегодняшний день. Все верно?

– Д... д... да. – еле слышно отвечает она.

– Замечательно. Теперь по поводу того инцидента, который здесь произошел из-за твоего любопытства. Кстати поздравляю. У тебя сегодня появилось два ненавистника. Достижение хреновое, но на работе не без этого. Думаю, тебе будет интересно, что именно послужило причиной таких кардинальных решений. Можешь не отвечать, знаю, что интересно. Эти двое под видом одного в счетах отгружали заказчикам другое, более дешевое, а разница оседала к ним в карманы. Как именно они проворачивали саму подмену оборудования – выясняет служба безопасности. Но даже не это является причиной, по которой ты все еще сидишь здесь, а не последовала за этими двумя... Перед тобой три личных дела. Мне нужен новый начальник, умеющий грамотно и точно считать. Человек, который будет ценить свое рабочее место и не пойдет на махинации. Не важно, по принципу или из страха. Выбирай.

– Н... н... но я... я...

– Не могу принять такое ответственное решение, да? – заканчиваю ее предложение сам, подхожу к ней и наклонившись к самому уху шепчу, – Ты только что уволила двух человек. Ты. Ты приняла решение и залезла в документы, которые тебя не касались. Так будь добра – выбери. Только выбирай того, кому ты доверяешь, как себе самой. Пять минут.

Пигалица пару минут тратит в пустоту. Просто сидит и пялится на стол перед собой. Лишь когда я сажусь в своё кресло и достаю журнал, она видимо понимает, что от нее не отстанут. Три минуты она листает дела по очереди и к тому моменту, как я подхожу и останавливаюсь напротив нее, одна папка выдвинута вперед. Буквально на сантиметр.

– Анна Самохина. – читаю я, – Почему?

– Я ей доверяю. – тихо шепчет она.

– Не так сложно, как казалось. – я возвращаюсь к своему креслу и нажимаю кнопку на селекторе, – Эльвира.

– Да, Даниил Владимирович.

– Готовь приказ. На место Синявина переводим Анну Самохину. Пусть прямо сейчас приступает. Найди кого-нибудь, кто введет ее в курс дел и перекинет другому то, чем она занималась.

– Хорошо, Даниил Владимирович. Что-нибудь еще?

– Пока все.

Я смотрю на эту Луковую и снова думаю, что пожалею. Но в моих принципах нет такого, который говорит, что я меняю решения. Пусть даже они и приняты полетом бумажного самолета.

– А теперь на счет тебя. – я подхожу, комкаю приказ об увольнении и отправляю его в урну. Снова ровно в центр. Значит, все решено. – Телефон, который лежит перед тобой, всегда должен быть у тебя под рукой и всегда включен. Ты всегда поднимаешь трубку, если звоню я. Никаких причин для обратного быть не может. С сегодняшнего дня, с этой самой минуты, ты – мой личный помощник. Там, где я, ты становишься моей тенью. Все мои поручения и приказы выполняются без вопросов и обсуждений. Даже если я звоню тебе в три ночи и требую привезти мне шлюх из какого-нибудь Мухосранска, ты срываешься туда первым самолетом. Ясно?

Она замирает и медленно поднимает голову. На зареваном лице такая смесь эмоций, какая не снилась смертнику, которому за мгновение до исполнения приговора сообщают об амнистии.

«Попрощайся со спокойной жизнью и книжными сказками.» – думаю я.

– Привести себя в порядок, перенести вещи в свой новый кабинет. Через полчаса у меня встреча. – говорю вслух, с садизмом добавляя, – У нас.

Катарина

В моей голове полнейший кошмар. Сумасшедшая карусель из неопределенности и безысходности, поселившихся там в последние дни, раскрутилась до безумия от ужаса и страха, стоило только войти в кабинет Зверя. И его рык добавляет сил липким холодным щупальцам, стискивающим сердце. Меня колотит от одного его взгляда, а он требует досчитать. Пальцы едва попадают по клавишам калькулятора.

«За что? Зачем все это? Триста пятнадцать умножить...»

Он забирает лист, а у меня внутри холодеет так, словно вместо листа бумаги из моих рук, вырвали часть сердца и на его месте появилась ледышка. Потрескивающая острыми гранями, взорвавшимися от одного слова: « Уволен!». Всего одно слово, а мне хочется исчезнуть, раствориться в воздухе, стать невидимкой и бежать, бежать, бежать.

Я снова считаю. Тишина. Звнящая тишина, от которой появляется металлический привкус во рту. Зверь загнал свою жертву в угол, надрезал ей сухожилия острым когтем и развлекается, наблюдая за тем как она трепыхается.

– Неси сюда!

А я не могу себя заставить даже вздохнуть лишний раз, не то чтобы куда-то идти. Слезы льются из глаз, мне страшно издать хотя бы один звук. Он убьет. Жестоко. Цинично. Зверь повторяет, и я практически отрываю себя от стула, делаю эти несколько шагов, а в ушах уже стоит звон, за которым едва слышно очередной приказ. Сесть...

Это не человек. Это не зверь. Для него нет названия. Те клубы леденящего ужаса и страха, которыми он окутывает, оплетает все вокруг себя, не может источать ни одно живое существо. Он даже не айсберг. Это нечто более страшное. Жидкий азот рядом с ним кажется бурлящей огненной лавой, и я инстинктивно отодвигаюсь дальше... И снова это: « Уволен.»

Кажется, что прошла целая вечность пока он снова не начинает говорить. Еле выдавливаю: «Да» онемевшими губами, и передо мной возникают три папки – Зверь требует выбрать. Того, кому я верю. Единственное, что я понимаю, когда он отходит. На одной из папок имя и фамилия Нюты. Остальных я не знаю. Мне настолько страшно, что сил хватает сдвинуть личное дело Нютки всего на пару сантиметров. И, видимо, это последнее, что нужно Зверю от меня, перед тем как завершить казнь.

– Привести себя в порядок. Через полчаса у меня встреча. У нас.

Сердце, загнанное в пятки, сбивается с ритма. Я поднимаю голову, не понимая, что именно он от меня хочет. Я не верю. Зверь хищно скалится и показывает на часы:

– Ты не расслышала? Полчаса.

Ноги сами выносят меня из его кабинета. Кажется, Зверю мало просто уволить меня. Это слишком большая роскошь. Для меня. И он придумал новую игру – теперь я его стану его куклой. Куклой, не имеющей права ни на что.

– Катарина Сергеевна, я позволила себе перенести ваш рюкзак в кабинет. Пойдемте, я вам все там покажу.

Голос Эльвиры выцарапывает меня из ступора, я иду за ней, сжимая в руках телефон и ключи. Она открывает передо мной двери, заводит внутрь, подходит к едва заметной двери, сливающейся со стеной.

– Здесь вы сможете привести себя в порядок. – спокойно говорит секретарь Зверя. Словно мой вид для нее абсолютно нормален. – Я приготовила вам новый ежедневник и положила его на стол. Записная книжка с телефонами, которые вам понадобятся, в верхнем ящике стола. Мебель сегодня поменяют под ваш рост. Выберите, пожалуйста, особенно кресло. Катарина Сергеевна?

Я поднимаю на нее глаза и спрашиваю:

– Кресло?

– Да. Предыдущий помощник был крупнее вас, и вам будет неудобно. Посмотрите, пожалуйста, что вам больше подойдет. К вечеру все доставят.

Эльвира не называет имя только что уволенного. Словно его здесь не было несколько недель, а то и месяцев. Человек вычеркнут. Я едва смотрю на брошюры, разложенные на столе, и показываю на первую попавшуюся. Больше всего мне сейчас хочется остаться одной, а не выбирать мебель для своей клетки. Эльвира забирает все.

– Чай, кофе? – спрашивает она и тут же поясняет, – Мне нужно знать ваши предпочтения. Может вы предпочитаете что-то особенное, например, вегетарианское или безлактозное?

Этот вопрос окончательно выбивает меня из колеи. Мозг вообще отказывается понимать, что тут происходит. Я хлопаю ресницами, Эльвира ждёт. На ее лице абсолютное спокойствие, будто перед ней стою не я с опухшими глазами, а кто-то другой.

– Катарина Сергеевна.

– Кофе. Три в одном.

– Я вас поняла. – Эльвира кивает и бесшумно подходит к дверям. – Через двадцать минут я за вами зайду. Даниил Владимирович распорядился, чтобы первое время я вам помогала по любым вопросам. Вы быстро втянетесь, не переживайте.

Она жестом показывает на дверь в туалетную комнату.

– Умойтесь холодной водой. Это снимет отек.

Я киваю и медленно бреду умыться. Происходящее все больше начинает походить на какое-то безумие. Закрывшись в туалете, я опускаю крышку унитаза, сажусь на нее и, зажав рот руками, реву. Слезы текут по щекам, обжигают кожу, словно на нее плеснули кислотой. Пять минут. Я даю себе всего пять минут.

Спина Зверя маячит передо мной, и я едва за ним успеваю. Пока он делает один шаг мне приходится сделать три. Мы идём по дороге смертников, и я спиной чувствую удивлённые, непонимающие взгляды. Проскочив мимо рабочего места Нюты, едва успеваю заметить, что оно пусто, и со стола исчезла рамочка с фотографиями.

– Отстанешь – побежишь пешком. – рычит Зверь, останавливаясь перед лифтом, и я едва не натыкаюсь на его спину.

Мы спускаемся на подземную парковку.

– Ты едешь спереди. Всегда. – ледяной голос сразу же указывает мое место и положение.

Я – кукла и должна делать все, что скажет хозяин, перед которым водитель предусмотрительно открывает дверь.

– Даниил Владимирович, ваш кофе. – водитель передает Зверю безликий картонный стаканчик, а потом похожий возникает передо мной. – Катарина Сергеевна.

– Спасибо. – еле слышно произношу я, ошарашенная таким обращением и тоном, которым произносится мое имя и отчество.

– Дима, как сыграли? – спрашивает сзади Зверь.

– Три-один. Начали месить только в конце второго тайма. До этого даже не бегали, ходили по полю, как пришибленные.

– Плохо. – сзади что-то шелестит и в подставленную ладонь водителя опускается две столондаровых купюры. – Здесь за меня и за Куму. Не трать.

– Я помню, Даниил Владимирович.

– Когда следующая?

– Через две недели.

– Запиши. – Зверь это говорит уже мне. – Узнаешь точное время у Димы.

Я достаю из рюкзака ежедневник с логотипом компании и долго думаю, как записать то, куда должен поехать Зверь. На странице с двадцать вторым числом появляется надпись: « Узнать время у водителя. Какая-то встреча».

– Начало положено. – голос сзади откровенно издевается. – Теперь запоминай, а лучше запиши. Дважды повторять не буду. Все, что увидишь и услышишь, остаётся только в твоей голове. Хотя одна фотография или статья в прессе без моего ведома, и мои юристы покажут, за что они получают свою зарплату. Понятно?

– Да, Даниил Владимирович. – впервые называю его по имени и отчеству, он довольно хмыкает.

– Неплохо. Твой рабочий день начинается за полчаса до моего, кроме двух случаев. Первый – ты умерла. Тогда можешь опоздать. Второй – умер я. Здесь разрешаю вообще не приходить и выпить за свое освобождение. Но такого счастья тебе не светит. Если я тебе позвонил, то через тридцать минут ты с кофе ждёшь меня в машине. Эльвира расскажет где и какой покупать. Если не звонил – в половину девятого ты в офисе. Дальше. Мне плевать на твою личную жизнь и выходные. Выходной у тебя может быть только тогда, когда скажу я. Гарантированно можешь рассчитывать только на один день – свой день рождения. В остальные – решаю я. Никаких отгулов. И мне не важно, что у тебя произошло: внезапная простуда или месячные. С утра ты всегда на работе.

Я краснею, как рак, и только тот факт, что Кугуров не видит моего лица, хотя бы немного облегчает волну стыда.

– Дресс-код. Никакого яркого макияжа, резких и сладких запахов. Ты – мой помощник, а не шлюха. Чем меньше ты будешь меня раздражать своим благоуханием, тем лучше. Для тебя лучше. Купи себе костюм. В этом ты ходишь последний день. Увижу еще раз в подобном наряде – будешь ходить голая. – Зверь протягивает пластиковую карточку, – Оставишь ее у себя. Пин код – твоя дата рождения. Кофе, обеды, все расходы, связанные с работой, оплачиваешь с нее. Никаких левых покупок. Ясно?

– Да, Даниил Владимирович.

– Уже лучше. Быстро втягиваешься. Пошли.

Машина останавливается, и мы выходим. Дима достает из багажника спортивную сумку и идет следом за нами к лифту, который поднимает нас на этаж с тренажерным залом. К Кугурову тут же подходят двое – мужчина, от вида которого в голове проносится: « Убийца» и девушка, больше похожая на модель. Зверь коротко жмет руку мужчине и кивает модели.

– Даниил Владимирович, как обычно? – спрашивает она, рассматривая меня с ног до головы.

– Не сегодня. Она со мной. Это мой новый помощник. – отвечает он и идет к раздевалкам.

Я хвостиком бегу за ним и замираю у дверей, когда он коротко говорит: « Жди здесь». Несколько минут я стою у дверей, изображая не то лакея, не то оловянного солдата, а потом снова несусь за Кугуровым по залу.

– И теперь главное. Ты молчишь, не задаешь никаких вопросов и отвечаешь только тогда, когда я тебя об этом спрошу. Повтори по поводу приказов и распоряжений. – он достает наушники из кармана.

– Я делаю все, что вы скажете и не обсуждаю. – негромко отвечаю я.

– Быстро учишься. А теперь исчезни. Жди в машине.

Зверь отбрасывает куртку в сторону, и я застываю. Руки Кугурова испещрены замысловатыми узорами татуировок, уходящих от запястий вверх под рукава футболки. А с левой стороны плечо едва ли не полностью переливается всеми цветами радуги от огромного синяка.

– Я что-то сказал! – рычит Зверь, вставая на беговую дорожку. И самым быстрым шагом, на какой только способны мои ноги, я сбегая в сторону выхода.

Дима дремлет в машине, прикрыв глаза, и открывает их уже после того, как я захлопываю дверь.

– Хочешь кофе, коллега? – спрашивает он, и я неопределенно жму плечами. – Первый день?

– Нет. Три года на складе работала. – отвечаю я, – А что?

– То, что предупреждать о характере шефа не стоит. Сама все знаешь. Так что на счёт кофе? Нам ждать ещё часа полтора точно.

– Наверное, да, Дмитрий.

– Слушай, нам с тобой в одной упряжке пахать. – Дима достает термос и наливает в крышку кофе, – При нем, – его рука показывает вверх, – Дмитрий, а наедине – Дима. Согласны Катарина Сергеевна?

– Хорошо, Дима.

Я вообще ничего не понимаю. Обыкновенно, чтобы просто заговорить с незнакомым человеком, мне нужно раскататься, найти тысячу причин по которой этот разговор действительно нужен, и только потом, возможно, если сойдутся звёзды... А здесь... Хлоп, и мы уже даже перешли на ты. Я списываю все происходящее на стресс. Других объяснений у меня нет, а Дима все болтает, болтает, болтает. Такое ощущение, что его прорвало, и он вываливает на меня все то, что хотел бы обсудить с кем-нибудь. Мне остаётся лишь кивать время от времени – уловить о чём именно Дима говорит сейчас нереально – он скачет с темы на тему, словно задался целью запутать меня окончательно.

– Дима. – я вклиниваюсь в небольшой перерыв в его монолог и достаю ежедневник, – А что именно будет двадцать второго? Мне как лучше записать?

– Футбол. Тебе разве Алеутов ничего не объяснил?

– Нет. – я отрицательно мотаю головой.

– Как всегда. Тот ещё му... – Дима осекается и через секунду выдает, – Мужчина. Вечно выше всех. И Эля говорит, что по офису ходит павлином. Словно вся фирма принадлежит ему. Интересно, за что его турнули. Ты не в курсе?

– Нет. – я вру. Я не хочу говорить, что бывший помощник уволен из-за меня. Лишнее внимание мне ни к чему. Достаточно того, что Нюта вечером засыплет вопросами где, с кем и почему... – Ой, извини.

Я еле нахожу свой телефон в рюкзаке. Два ежедневника, справочник, бывший, а теперь уже мой, телефон Алеутова... Свой мобильный как обычно завален и моргает конвертиками непрочитанных сообщений. И все они от Нюты.

«Ты где?» – гласит первое.

«Ты куда пропала?»

«Ката, перезвони мне!!!»

«Я переживаю.»

И: «Хотя бы напиши, что у тебя все хорошо».

Я отвечаю на последнее. Все остальное – не телефонный разговор, и все равно будет главным вопросом на повестке за ужином. Если Зверь удосужился на него отпустить. Рюкзак при его упоминании разрывается какофонией таких ужасных звуков, что я дергаюсь, мой телефон летит вниз, следом рюкзак, рассыпая содержимое под ноги. Бывший телефон Алеутова высвечивает картинку, на которой в пламени горит рогатое создание, и продолжает выдавать смесь звуков, от которых в жилах стынет кровь.

– Не оригинально... – Дима поднимает мобильный, заходящийся визгом свиньи, и подает мне, – Советую ответить.

– Да. – произношу я, нажимая кнопку ответа, и слышу всего одно слово.

– Вода? – Дима видит, что я киваю, и спрашивает, – Подсказку дать, коллега?

– Не откажусь.

– Без газа. Стоит в холодильнике, вы мимо проходили, верхняя полка. Снизу не бери, скажет, что слишком холодная. – он подмигивает, откидывается на спинку, устраиваясь поудобнее, – Алеутов трижды лажал. Вел бы себя по-человечески, но мы же гордые...

– Спасибо.

– Сочтемся. Лучше поторопись.

И эта последняя фраза выстреливает меня из машины в сторону лифта, как камушек из рогатки. Я лечу к лифту, потом к холодильнику, дважды проверяю надпись на бутылке и дальше в зал, в котором нет ни души. В тишине слышны лишь резкие повторяющиеся хлопки, доносящиеся откуда-то из глубины. Я замираю около беговой дорожки и кручу головой, не понимая куда идти.

– До конца и налево. – негромко раздается у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и вижу модель со стопкой полотенец. Она откровенно веселится, рассматривая меня.

– Действительно, такую только на должность помощника... – едко бросает она и я чувствую, как начинают гореть щеки.

«Конечно, с таким телом и ростом можно любую считать недоразумением. Вот только помощник не носит полотенца!» – думаю я, но озвучить свои мысли не решаюсь. Это глупо, ведь в моих руках бутылка с водой...

Я иду по залу и сворачиваю влево. Там, в небольшом помещении, хлопки становятся не просто громче. Они злее, жестче. Зверь в одних спортивных быстро двигается вокруг того, кто мне показался убийцей, и бьет по его перчаткам, больше похожим на небольшие плоские подушки. Несколько ударов, Кугуров уворачивается от движения этой подушки-перчатки, имитирующей удар.

– Дэн, не расслабляйся! Работай на полную! – раздается команда и Зверь коротко кивнув наносит три мощных удара друг за другом.

Каждый разрывается громким хлопком.

– Реще! – снова три удара, почти сливающиеся в один.

Я подхожу ближе и останавливаюсь, чувствуя, как волосы на макушке начинают шевелиться. Кугуров – Зверь... Хищный, опасный зверь, к которому никогда нельзя поворачиваться спиной. И наблюдая за тем, как он тренируется, это сравнение все сильнее укрепляется в моей голове. В его движениях, ударах – грация хищника, вышедшего на охоту. Глаза гипнотизируют жертву, неотрывно следят за мимолетным изменением ее поведения, моментально оценивают и предугадывают... Даже терпкий запах, щекочущий ноздри, заставляет осознать, что рядом с тобой вершина пищевой цепочки, и только ему решать, когда его клыки разорвут тебе глотку...

– Пять минут отдыха. – «убийца» скидывает перчатки и Кугуров подходит ко мне.

– Воду. – коротко бросает он.

Я протягиваю бутылку и почти задыхаюсь. Рядом со мной стоит мужчина, от которого пахнет животной опасностью, а мне до дрожи в ногах хочется прикоснуться к его блестящей от пота коже. Провести пальцем по каждой линии узоров на руках, каждому замысловатому иероглифу. Почувствовать, как горят его мышцы, и осторожно очертить края синяков.

– Больно? – еле слышно выдыхаю я, заглядывая ему в глаза.

Буквально на мгновение в них проскакивает удивление, а потом снова леденящий холод.

– Когда ты решила, что это входит в круг твоих обязанностей?

От его тона я инстинктивно делаю шаг назад и стыдливо опускаю глаза. Зверь поднимает футболку и куртку со скамейки и проходит мимо меня.

– Через двадцать минут в машине. – бросает он.

Дэн

– Гера, на сегодня все. В следующий раз продолжим.

– Через неделю. Раньше чтобы тебя не видел, чемпион. – он помогает смотать бинты и кивает на мои синяки, – Привезёшь снимки.

– Может ещё записку от родителей? – спрашиваю я.

– Если мне она потребуется, то привезёшь и ее. Подними руки. – Гера не в духе. Быстро ощупывает каждое ребро и хмурится. – Неплохо тебя отделали. Двое, трое?

– Одна.

Гера хмыкает и коротко командует:

– В стойку!

Я сжимаю кулаки и поднимаю их на уровень лица, немного наклонив корпус вперёд. Гера буквально несколько секунд смотрит на положение моих рук и хмурится сильнее.

– Поработаем над защитой. Через неделю! Если будут снимки. – напоминает он тоном, не терпящим возражений. – Сейчас в душ и на семь дней максимальный покой. Куме привет. Пропустит ещё одну тренировку – сгною.

– Передам.

– Свободен.

Гера единственный, кто может мной командовать без опасений. Ему плевать, что зал фактически мой и работает он на меня, а не на фирму. Пять лет назад это было единственным условием, с которым он согласился стать тренером, и в первую же тренировку отмудохал так, что я две недели передвигался по квартире как калека. Опыт против моей злости. Никакой жалости и ударов в пол силы. Тогда мне это показалось извращённым садизмом, сегодня я уверен, что так Гера смог вытащить меня из того состояния и вернуть в этот мир.

Лица бесшумно проскальзывает в душ за мной, стягивает топик, следом обтягивающие леггинсы, крохотные трусики, распускает волосы и пристраивается рядом под обжигающими струями воды. Идеальная любовница, не задающая никаких вопросов.

– Не сегодня, Лица. – говорю я, когда ее пальцы пробегают по моему животу и аккуратно ласкают ребра – сдались они сегодня всем.

– Как скажешь.

Лица отстраняется на мгновение, чтобы взять гель для душа. Выдавливает немного на ладонь и взглядом спрашивает:

– Разрешить?

Я киваю и закрываю глаза, позволяя ее рукам разгуливать по своему телу. Шея, плечи, руки... Лица скользящими движениями проходит по каждому мускулу, изредка, словно невзначай, касаясь груди набухшими сосками. И каждое это прикосновение неумолимо передает мне ее возбуждение. Сперва в голове появляется зыбкий туман – закрытые глаза обостряют ощущения в несколько раз. Кожа начинает чувствовать малейшее давление. Даже когда она отстраняется, чтобы выдавить новую порцию геля, я могу с точностью сказать, как она это делает. Будто в пелене цитрусового запаха у меня появляется способность видеть все происходящее вокруг со стороны. Лица сейчас рассматривает мою спину, одной рукой проводит по моим лопаткам, а другой выдавливает гель себе на грудь, чтобы потом прижаться всем телом. На моем лице появляется довольная улыбка, когда сзади прижимаются два упругих полушария, а нежные пальцы пробираются к животу и медленно поднимаются вверх, вместо того чтобы двинуться вниз. Я ей отказал, и теперь она сознательно игнорирует вздыбившийся член.

– Если ты решишь, то я не против. – говорит ее тело. – Только ты решаешь, что будет. А я сделаю все, что ты захочешь.

Дальше возбуждение ядом проникает в кровь и разносится по венам в самые отдаленные уголки тела. Я начинаю слышать за шумом воды ее дыхание. Лика встает передо мной, прижимается к груди, я поднимаю руки и упираюсь в стену, ограничивая пространство, в котором она может двигаться. Чтобы ее соски чертили по моей коже чаще, чем этого хочет она. Мой член упирается в упругий живот, Лика немного отстраняется, но я делаю шаг вперед, впечатывая ее спину в кафель.

Шум воды исчезает, хотя горячие струи все еще хлещут по спине, переплетаясь с тонкими пальцами, пробуящими прочертить не озвученный вопрос:

– Ты точно не хочешь меня сегодня? – пишут острые ногти, оставляя красные следы на лопатках.

Я открываю глаза. Я хочу увидеть то безумие, которое проснулось в Лике. Так ли оно велико, как мне кажется. Она легонько закусывает нижнюю губу и резко разворачивается ко мне спиной, прижимаясь грудью к стене. Она просовывает свои ладони под мои, чуть расставляет ноги, прогибается...

Если я сейчас уйду, ничего не произойдет. Не будет никому не нужных звонков и истерик. Не будет обид и слез, битой посуды и обвиняющих взглядов. У нас нет отношений, нет обязательств. Только аэробная нагрузка, как называет это Лика. Я медленно провожу ладонью по ее руке, спускаюсь по спине на поясницу, обхватываю ее за талию и резко захожу. Она легонько вздрагивает, чуть откидывает голову назад и сильнее упирается в стену, чтобы следующим движением я вошёл глубже.

Есть два типа женщин: первые отдаются потому что ты заявил свое право, вторые – отдаются самому процессу. Лика – вторая. Она упирается каждым моим движением, каждым толчком. Пропускает мои руки туда, где им хочется быть в данное время. И если моим пальцам вдруг покажется, что горошинка ее клитора нуждается во внимании, то она через мгновение накроет их своими, поймает мой ритм и отпустит дальше изучать кожу живота или полушария груди. Лика еле слышно постанывает, медленно плавится... По ее ногам пробегает мелкая дрожь, усиливающаяся с каждым мгновением, словно чья-то невидимая рука подвела к ней напряжение и увеличивает его шаг за шагом.

Я упираюсь тем, как она кончает. Почти задыхается, хватая воздух губами, пальцы под моей ладонью пробуют пронзить кафель стен и пробороздить в нем глубокие отметины. Это возбуждает до сумасшествия, поднимая температуру во всем теле на несколько градусов, обостряя и без того уже оголенные нервы. Я не слышу свой хриплый рык, лишь на пальцах чувствую острые ногти...

Дима забирает сумку из моих рук и открывает дверь. Пигалица на переднем сиденье старается спрятаться за спинкой и не издает ни звука. Хотя где-то она ведет себя так, словно ее не существует.

– Дима, «Версаль». – коротко говорю я и прикрываю глаза.

Ребра предательски ноют – Все же Гера прав, нужно сделать снимок. Просто для того, чтобы на следующей неделе он убедился в том, что у меня нет трещин и переломов. Я практически уверен, что их нет, но лишним не будет. Удивительно, что за всю неделю мысль о рентгене у меня не возникала, видимо Пигалица своей выходкой умудрилась стереть ее из головы, и ноющие ребра ушли на второй план. Сквозь прикрытые веки смотрю на маячащую макушку на пассажирском сиденье – Луковая елозит так, словно под ее задницей расположилась стая ежей.

– Хватит дёргаться. – говорю я и она замирает.

Буквально на пару минут, а потом снова начинается это мельтешение. Край макушки над подголовником и высокий хвост дёргаются, словно из-под земли пытается выбраться взбе-

сившаяся луковица. Мне становится смешно. Я несколько мгновений сдерживаюсь, а потом начинаю смеяться в голос.

– Луковая, ты уверена, что в твоей фамилии ударение именно на «А», а не на «У»? – спрашиваю я.

– Да, Даниил Владимирович. – макушка с хвостом застывают.

– Тогда завтра сделай что-нибудь другое со своими волосами, а то с этим хвостом ты напоминаешь луковку из мультфильма.

Пигалица вздрагивает и через мгновение кивает.

– Какие-нибудь предпочтения, Даниил Владимирович? – спрашивает она, и в ее голосе чувствуется смесь обиды, удивления и ни капли страха, который ее бил буквально несколько часов назад.

– Без разницы. Завей, распусти, придумай что-нибудь. Все-таки ты женщина.

– Я ваш помощник, Даниил Владимирович. – Луковая произносит это с вызовом и тут же съезживается так, что над подголовником едва виднеется краешек ее хвоста.

– Дима, останови машину! – рычу я. И только она замирает медленно шепчу, – Повтори, что ты там сказала!

– Я... я... я ваш помощник. – пищит Пигалица.

– Именно! Запомни это! Если я сказал, то ты сделала. Без возражений и вопросов. Ненужную браваду оставь для других случаев. Ясно?

– Да, Даниил Владимирович.

– Дима, поехали.

Машина плавно трогается, а меня начинает злить одно только присутствие этой Луковицы. Вместо того, чтобы сидеть ровно и не отвечивать, она умудряется в самый первый день капать мне на нервы. Чертов самолетик! Надо было увольнять. Толку все равно не будет. Что есть, что нет.

– Дима, останови. – снова говорю я. И пока машина перестраивается в правый ряд зло произношу, – Луковая, сейчас выметаешься и шуруешь покупать костюм, а потом к парикмахеру, стилисту, визажисту... К кому хочешь! Но чтобы завтра о твоём хвосте я не вспомнил! Считаю, что сегодня для тебя был вводный день, который ты к херам просрала по всем пунктам! Завтра, с самого утра Дима заедет за тобой, и молись всем своим богам, чтобы мне понравилось то, что я увижу! Ясно?

– Да, Даниил Владимирович. – еле слышно доносится спереди.

– Замечательно. А теперь вали!

Я молча дожевываю стейк и недовольно поглядываю в сторону входа. Кума решил все-таки объявиться. Позвонил, сказал, что подъедет, и тишина.

– Кофе, Даниил Владимирович?

– Да. И счёт.

Официанты в «Версале» знают мои предпочтения и не стоят над душой. Если был стейк, то в конце я обязательно закажу кофе. Без молока и сахара. Вот и сейчас на стол опускается крохотная кружка с черным как смоль напитком, а рядом шкатулка, в которую я не глядя кладу несколько купюр. Примерную стоимость я уже давно знаю, а все остальное – чаевые. Достаточно щедрые. Лучшая мотивация запомнить мои привычки.

– Здорово! – Кума плюхается на диванчик и улыбается во все тридцать два зуба. – Уже кофеманишь?

– Тебя ждать не стал.

– Да мы тоже ненадолго. Так, чисто кофе попить. – он стягивает шапку, расстегивает куртку и бросает ее на спинку. – С Галчонком на каток ездили. Сто лет на коньках не стоял.

– Ясно. А где потерял своего птенчика?

– Носик пудрит. – Кума быстро пробегает глазами по меню, заказывает два капучино и несколько пирожных. – Дэн, слушай, я тебя очень прошу, не надо с ней вот этих твоих под-
колов.

– Что, не дала? Хватку потерял? – усмехаюсь я.

– Вот про это и говорю. Она другая, понимаешь? Вообще другая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.